

ГОРЬКИЙ И ЖУРНАЛЫ «СОВРЕМЕННЫЙ МИР», «ЗАВЕТЫ», «КРУГОЗОР»

ПЕРЕПИСКА С Н. И. ИОРДАНСКИМ, М. К. КУПРИНОЙ-ИОРДАНСКОЙ И В. П. КРАНИХФЕЛЬДОМ

Предисловие, публикация и комментарии
Н. И. Дикуншиной и М. А. Никитиной

Переписка Горького с Н. И. Иорданским, М. К. Куприной-Иорданской и В. П. Кранихфельдом — руководителями журнала «Современный мир»¹ — охватывает немногим более двух с половиной лет (май 1910 — апрель 1913).

В эти годы Горький стремился к созданию печатного органа, который смог бы сплотить левые силы литераторов, и начинал сотрудничать в ряде журналов. Как свидетельствует публикуемое ниже письмо от 9/22 июня, он согласился с упреком Кранихфельда в том, что ему принадлежит «акушерская роль» в создании новых журналов и что он сочувствует «не журналу (в данном случае «Современному миру»), а журналам». В своем ответе Кранихфельду Горький написал весьма значительные слова, позволяющие понять смысл его поисков: «...я уверен, что если бы игроки разобрали все карты — козыри остались бы в руках с.-д., как группы наиболее богатой талантами. Когда все сгруппируются с с.-деками, бог даст, будет ясна необходимость плотной группировки» (п. 20).

Горький начал сотрудничать в «Современном мире» после того, как летом 1910 г. издательница журнала М. К. Куприна-Иорданская и ее муж, редактор журнала и автор журнальных «Политических обозрений» Н. И. Иорданский, побывали на Капри. После их отъезда Горький писал А. Н. Тихонову: «Вчера проводил отсюда в Россию Куприну с ее мужем Иорданским, — мне чета сия понравилась, у нее есть добрые идеи, славные намерения, и я заключил с нею союз — буду печатать у них свои оптимистичьи выдумки»².

Горького привлекла поставленная журналом задача: «распространение среди читателей идей последовательного политического и социального демократизма»³. Не случайно, что свою статью «О писателях-самоучках», в которой была развернута широкая перспектива развития новой литературы, Горький передал не в «Современник», но в «Современный мир». Кроме статьи «О писателях-самоучках», Горький поместил в журнале пьесу «Встреча», рассказ «Мордовка», «Русские сказки».

Очевидно, Горький оценил и личность редактора журнала Николая Ивановича Иорданского (1876—1928), в частности его черту, отмеченную позже А. Свидерским: «По натуре своей Иорданский был журналист и притом журналист, искавший широкого массового читателя»⁴. Иорданский редактировал «Современный мир» с 1907 г. по 1917 г. К этому времени за его плечами был богатый опыт политической и издательской работы. В 1904 г. он сотрудничал в газете «Искра», в 1905 г. входил в исполком Петербургского совета рабочих. В 1906 г., примкнув к меньшевикам, Иорданский участвовал в работе Стокгольмского (объединительного) съезда. Резко отрицательно оценив ликвидаторство, он вошел в группу меньшевиков-партийцев и сблизился с большевиками. В 1910 г. стал одним из организаторов и редакторов газеты «Звезда», за что летом 1911 г. был выслан из столицы и подвергся полицейскому надзору (п. 12, прим. 1). Зная деятельность Иорданского в «Звезде»,

Горький приглашал его летом 1911 г. вновь приехать на Капри «для выработки плана объединения вокруг какого-нибудь органа»⁵. Ленин в связи с этим предостерегал Горького: «Я очень боюсь, что Иорданский непригоден для таких планов (ибо у него „свой“ журнал, и он будет либо тормозить, либо тянуть в „свой“ журнал, оставляя его своим=полулиберальным)»⁶.

Ранее, в 1910 г., Ленин определял направление «Современного мира» как «зачастую меньшевистски-кадетское (теперь с уклоном в сторону партийного меньшевизма)»⁷.

Издательница «Современного мира» Мария Карловна Куприна-Иорданская (1879—1965) принимала самое деятельное участие в работе журнала, была в курсе всех проектов и начинаний, о чем свидетельствует ее переписка с Горьким. Ей принадлежит книга «Годы молодости» (М., 1965), где, в частности, рассказано о встрече с Горьким на Капри.

Более сложно складывались отношения Горького с Владимиром Павловичем Кранихфельдом (1865—1918), который был редактором журнала в сентябре 1911 г. и заменял Иорданского два года, когда тот был выслан из Петербурга. Ранее Кранихфельд вел в «Современном мире» отдел «Литературные отклики», и эти его литературно-критические статьи вызывали скептические отзывы Горького. «Г. Кранихфельд, конечно, скучен и дает слишком часто — ежемесячно — много оснований сомневаться в его уме (...) У Тертуллиана сказано о Кранихфельдах: „Судят музыкантов, не зная музыки“»⁸ (письмо А. Н. Тихонову, середина января 1911 г.).

В самом начале переписки у Горького и Кранихфельда возникла полемика о Достоевском (см. об этом в статье Б. А. Бялика). Она послужила поводом для критики Горьким общей платформы журнала, критики резкой и не всегда — в частности — справедливой.

Но одновременно с критикой Горький развернул в своем письме широкую программу, перекликавшуюся с тем проспектом нового журнала, над которым Горький тогда работал (Г—М, п. 2 и 4), что свидетельствовало о его заинтересованности работой «Современного мира».

В переписке Горького с Иорданскими и Кранихфельдом затронут один, казалось бы, частный эпизод: отказ Горького сотрудничать в журнале «Новая жизнь» в связи с тем, что там предполагалась публикация романа И. Ясинского «Болезнь Арланова» (п. 11, прим. 1). Эпизод этот вызвал большой шум в журнальном мире и задел Иорданских, так как Горький ознакомил их со своими письмами редактору «Новой жизни» П. А. Берлину, Иорданские же использовали эти письма в столкновении с Берлиным, который сотрудничал и в «Современном мире». Конфликт Горького с «Новой жизнью» имел принципиальный характер, он раскрывал последовательность и бескомпромиссность Горького, стоявшего за создание «плотной группировки» на твердой идейной основе и не представлявшего возможным для себя сотрудничать в одном органе с литератором, чьи общественно-политические

ОБЛОЖКА ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННЫЙ МИР»
1911, № 2

взгляды были враждебны его собственным и чья репутация «рептильного» писателя была хорошо известна. Сопоставление ясных, точных, лаконичных писем Горького Ясинскому и Берлину (п. 11, прим. 1, 2)⁹ с письмами Иорданских и Кранихфельда наглядно показывает различие между обоснованной позицией Горького и расплывчатой, неопределенной линией поведения редакторов «Современного мира», в результате чего дело это обросло второстепенными конфликтами, приведшими к суду чести. В этих побочных спорах затерялась главная суть столкновения.

Помимо проблем журналистики, переписка Горького с редакцией «Современного мира» поднимает ряд важных вопросов текущей литературной жизни. Как и в переписке с Амфитеатровым, Горький обращал внимание редакторов на книгу М. Сивачева «Записки литературного Макара», выступления М. Волкова, газеты «Жизнь» (Симбирск), в которых умалялась роль интеллигенции. Тревога о том, что подобные выступления снижают общий уровень культуры, сбивают рабочего читателя, мешают росту талантливых самоучек, звучит в его письме Кранихфельду (п. 18). В этой связи хотелось бы привести и другое письмо Горького — в редакцию симбирской газеты «Жизнь», которая обратилась к нему с просьбой о сотрудничестве.

«Милостивые государи. Я не могу Вам помочь, потому что газетка Ваша кажется мне вредной. В ней нет ничего „самостоятельного“: отрицательное отношение к науке, интеллигенции и культуре — неново и отнюдь не самостоятельно, это проповедуется давным-давно теми друзьями русского народа, которым выгодно видеть его глупым, невежественным и которым нужно возбудить в нем отрицательное отношение к людям, желающим ему всяческого добра и духовного здоровья.

Мне кажется также, что „народного“ в газете Вашей — ничего нет: статьи в ней пишут люди с большим самомнением, но — бестолковые и малограмотные — уж извините за правду. Иначе сказать не могу.

Каждая статья Вашей газетки исполнена противного самолюбия, и авторы, утверждая, что человека „не надо учить“, — все-таки учат — плохому учат.

Говоря о „народном творчестве“, Вы, видимо, не имеете представления о том, каково оно и каковы его формы. Было бы лучше, если бы Вы внимательнее почитали народные былины, сказки, легенды, песни — это истинное народное творчество, и оно является почвой, из которой развивалась и наука, и религия.

А писать бестолковые, малограмотные и смешные статейки — бросьте, ничего, кроме вреда, себе самим не принесете Вы этими писаниями. Вам учиться надобно, а не учить.

И не говорите, что газета „Жизнь“ в будущем будет „Новым евангелием жизни“ — это не только самонадеянно, но очень смешно и неумно.

Вы извините меня за правду, сказанную просто, ведь Вы именно простоту и ясность отношений проповедуете. Ну вот, я говорю Вам простейшими словами: не рассматривайте себя как учителей, а лучше сами поучитесь. И не внушайте сами себе недоверие к тому, что Вам неизвестно: сначала взвесьте великий труд тех людей, которых Вы зовете „интеллигенцией“, — и если Вы люди честные, духовно здоровые, Вы почувствуете великое уважение к этой огромной работе и любовь к людям, совершившим ее»¹⁰.

В письмах к Иорданским Горький обращался с просьбой высылать ему материалы о современных литературных нравах. Его тревожили и возмущали попадавшие в газеты сведения о недостойном поведении литераторов, и, очевидно, он намеревался написать статью, которую предполагал озаглавить «Вопли провинциала». Сведения об этом горьковском замысле можно найти в письмах его корреспондентов (п. 11, прим. 3; п. 12, 13).

В небольшой переписке Горького с Иорданскими, которая хранится в АГ, многие письма Горького, как об этом свидетельствуют ответы Иорданских, отсутствуют. Они или утрачены, или еще не разысканы. Возможно, они были изъяты при обысках, которые часто производились у Иорданских.

Переписка Горького с Кранихфельдом оказалась сохраннее, она представляет собой своего рода «диалог».

Ниже публикуются 10 писем Горького в редакцию «Современного мира», 9 писем Иорданского, 2 — Куприной-Иорданской и 5 — Кранихфельда. Одно п. Горького Иорданскому было опубликовано в Собр. соч. (XXIX, 153—155).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О журн. «Современный мир» см.: *Скворцова Л. А.* «Современный мир» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. М., 1984.

² Горьк. чт. 1959. С. 14.

³ Современный мир. 1911. № 1.

⁴ Изв. ВЦИК. 1928. № 302. 30 дек.

⁵ В. И. Ленин. Т. 48. С. 33.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 4.

⁸ Горьк. чт. 1959. С. 17.

⁹ См. также: XXIX, 197, 198, 209—210; 30 дней. 1937. № 9.

¹⁰ АГ.

1. ИОРДАНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Петербург. 4/17 мая 1910 г.)

Глубокоуважаемый Алексей Максимович,

П. А. Берлин¹ показал мне отрывок из Вашего письма, в котором я прочел теплые строки по поводу моего столкновения с «Речью»². Я не могу не послать Вам искренней и товарищеской благодарности. Среди организованного кадетами и к.-д. подголосками лая против меня и «Соврем(енного) мира» Ваши слова были и для меня и для всей редакции большим утешением. Они показали, что можно же, не сочувствуя нелепой форме дуэли, понять все возмущение, вызванное непрерывною и разнузданною травлею. Хулиганство, натаскиваемое на демократию, чтобы завтра в «Нов(ом) врем(ени)» травить либерализм, пользуется каким-то слабодушным покровительством даже честных писателей, не понимающих, куда ведет эта вакханалия. Благодарю Вас, что Вы поняли мою психику, когда я «вышел» из рамок.

Пользуясь случаем обратиться к Вам с просьбою, о которой мы давно думали; мы предполагали, что Вы отрицательно относитесь к участию в журналах и не решались просить Вас дать что-либо «Соврем. миру», хотя Ваше произведение для нас представляло бы наибольшую ценность, как произведение писателя, близкого идейно к журналу. Теперь, после опыта «Журнала для всех»³, у нас явилась надежда, что Вы не так уж недоступны для журналов. Если Вы ничего не имеете против нас, то, быть может, вспомните о «Совр. мире» и пришлете нам рассказ. Наш читатель отчасти принадлежит к тем элементам народа, которые до сих пор остаются без внимания художников.

Искренне преданный Вам

Ник. Иорданский

4/5 1910

¹ Павел Абрамович Берлин — журналист, в 1910—1911 г. сотрудничал в журн. «Современный мир», переписывался с Горьким. Упомянутым п. Горького Берлину АГ не располагает.

² 7 марта 1910 г. «Речь» опубликовала статью Чуковского, в которой редакция журн. «Современный мир» обвинялась в обмане читателей, так как многие из рекламированных журналом на 1909 г. произведений не были напечатаны. На это обвинение Иорданский ответил письмом к редактору «Речи» И. В. Гесссену, в котором требовал немедленно напечатать опровержение (составленное самим Иорданским и Кранихфельдом), в противном случае он уполномочивал Кранихфельда и М. Арцыбашева передать Гесссену вызов на дуэль.

Литературный суд чести в составе К. К. Арсеньева, Н. Ф. Анненского, С. А. Венгерова, Г. К. Градовского и В. Д. Кузьмина-Караваева рассмотрел дело журн. «Современный мир» с газ. «Речь» и вынес решение, в котором указывалось, с одной стороны, на несостоятельность обвинений Чуковского в адрес «Современного мира», с другой стороны, осуждалось поведение Иорданского и Кранихфельда (Современный мир. 1910. № 5. С. 126—135).

Горький писал об этом инциденте Амфитеатрову и Короленко: «...поведение „Речи“ в деле с „Современным миром“ — внушило мне к этой газете нехорошее чувство. Слишком много политики в этой газете, и слишком торопится она наплевать на демократию» (*Горький и Короленко*. С. 60).

³ Редакция «Нового журнала для всех» обратилась к Горькому с просьбой опубликовать его рассказ «Старик», в свое время напечатанный в № 4 «Адской почты», конфискованном и уничтоженном цензурой. Горький дал согласие, и рассказ был помещен в журнале (1911, № 37, нояб.).

2. ИОРДАНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Петербург.) 16/IX 1910

Дорогой Алексей Максимович!

Только теперь стал владеть рукой и спешу написать Вам несколько строк. Неприятная история с предварительным объявлением о Вашей пьесе показывает, что сейчас не спасешься от репортера¹. Мы были весьма удивлены и произвели расследование. Оказалось, что сообщение в газете дано нашим заведующим конторой! Он теперь уже покинул нас для того, чтобы всецело заняться газетной работой, но напоследок не мог отказать от случая сообщить интересное сведение. С его уходом у нас в конторе, кажется, не осталось больше «представителей гласности».

Петербургский сезон начинается, но еще не в разгаре. Мы, литераторы, до сих пор не собирались в литературном обществе и поэтому не знаем всех новостей друг про друга. Последнее известие — Бенштейн² намерен издавать толстый ежемесячник якобы марксистского направления. Все вздыхают о газете, но практически ничего не намечается. Писали ли Вы Каменскому?³

Не лучше ли будет, Алексей Максимович, не ожидая капиталиста, попытаться собрать небольшими паями 3—4 тысячи рублей и открыть газету еженедельную? Нужно не упустить момента. А затем можно уже искать поддержки существующему делу. Как Вы думаете об этом плане? «Современный мир» мог бы внести 1000 р. Еще 1000 можно было бы достать среди сочувствующей интеллигенции. Я предполагаю, что можно было бы давать за 2 рубля еженедельную газету и приложение: 6 переводных романов для здорового и занимательного чтения.

Буду ждать Вашего ответа. Привет Марии Федоровне.

Ваш Ник. Иорданский

¹ Горький передал «Современному миру» пьесу «Встреча». Накануне ее публикации в кн. 9 журнала в прессе появились сообщения об этой пьесе: «Фарс М. Горького» (Утро России. 1910. № 227. 19 авг./1 сент.); «Пьеска М. Горького» (Биржевые ведомости (веч. вып.). 1910. № 11876. 20 авг.) и др.

² Николай Архипович Бенштейн — редактор журн. «Новая жизнь» и «Новый журнал для всех».

³ Василий Михайлович Каменский — сын одного из совладельцев «Пароходства бр. Каменских на Волге и Каме», знакомый Горького. Очевидно, разговор о привлечении Каменского в качестве пайщика к задуманным Горьким изданиям состоялся во время приезда Иорданских на Капри. В п. Каменскому, написанных в конце 1910 г., нет упоминаний о новых изданиях.

3. ИОРДАНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Петербург.) 27/X 1910 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Я с Вами вполне согласен, что газета на паях является весьма неустойчивой постройкою. И я тем более охотно отказываюсь от этой мысли, что сейчас налаживается другая газета¹, до известной степени продолжающая «Нов(ый) день»². С ее организацией выходят некоторые затруднения, но надеюсь их преодолеть, так как дело стоит того. Молчать прямо нельзя — задохнемся! Вероятно, у Вас уже имеются сведения об этом предприятии от других знакомых. Мне поручено просить у Вас разрешения поставить Вас в число сотрудников и просить

что-либо для первого номера. Вы понимаете, что это для газеты будет залогом немедленной известности. Георгий Валентинович³ уже обещал статью для первого номера. Будем надеяться и на Вашу. Для начала дайте хоть сто строк, и то — дело сделано⁴. Пока адреса газеты еще не имеется, я прошу Вас прислать рукопись на мое имя.

Затем, большая, очень большая просьба для «Совр(еменного) мира». Дайте нам заглавие для проспекта будущего года!⁵ И, конечно, не только заглавие! Мы очень хотим, чтобы в будущем году на страницах «Совр. мира» появилось Ваше произведение, повесть или рассказ,—как Вам покажется удобнее. Я надеюсь, что в течение года Вам удастся выбрать время и для «Соврем. мира». Пока же дайте нам заглавие. Без него наш проспект на 1911 год не будет иметь необходимого значения. Жду благоприятного ответа. Мой искренний привет Марии Федоровне.

Ваш Ник. Иорданский

Р. С. Только сегодня узнал, из «Бирж(евых) ведомостей», что «Современник» предполагается опять издавать, на этот раз под редакцией Боцяновского, и что «постоянным сотрудником всех номеров» — будете Вы!⁶ Это известие возбуждает всеобщее изумление. Верят ему, впрочем, очень немногие.

¹ Речь идет о газ. «Звезда».

² «Новый день» — еженедельная легальная социал-демократическая газета, издавалась в Петербурге с июля по 13/26 декабря 1909 г., была закрыта полицией. В начале издания газеты Иорданский и И. П. Гольденберг (Мешковский) были ее фактическими редакторами. В газ. «Новый день» В. И. Ленин напечатал ст. «Еще о „партийности“ и беспартийности» и «О „Вехах“».

³ В первом номере «Звезды» (1910, 16/29 дек.) напечатана ст. Плеханова «Заметки публициста».

⁴ Горький начал печататься в «Звезде» позже, с января 1911 г. См. п. 8.

⁵ В объявлении о подписке на 1911 г. (Современный мир. 1910. № 11 п. 12) в перечне участников художественного отдела указывалось имя Горького. Горький был упомянут и в разделе, где назывались авторы рассказов, намеченных к печати на 1911 г. Названия рассказов не указывались (п. 3).

⁶ В «Биржевых ведомостях» (1910, № 11990, 27 окт., веч. вып.) было объявлено: «С нового года начинает выходить в Петербурге большой ежемесячный журнал литературы, политики и общественной жизни, издаваемый М. М. Кояловичем и В. А. Тихоновым, под редакцией В. Ф. Боцяновского. Душою журнала является Амфитеатров, прекращающий для этого сотрудничество во всех других журналах и газетах. Постоянным же сотрудником нового журнала явится и Максим Горький. Продолжая традиции старого „Современника“, журнал отводит место сатире и карикатуре». См. переписку Горького с Амфитеатровым за ноябрь—декабрь 1910 г. и за 1911 г.

4. ИОРДАНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Петербург.) 11/XI 1910 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Прежде всего о Короленко. С «Русск(ого) богатства» арест уже снят, и конфисковано оно было не за Короленко, а за Мякотина и одно из стихотворений,—по крайней мере, формально. Так(им) обр(азом), дело закончилось благополучно и не требует дальнейших действий¹. Затем, о Вашем рассказе: мы решили, чтобы не давать повода к нападкам, внешним образом правильным, не печатать в проспекте заглавий. Как Вы увидите в ноябре, мы указываем только намеченных авторов². Я думаю, что так будет во всех отношениях лучше. А то наши многочисленные «друзья», действительно, способны даже смерть автора поставить нам в вину.

В последнее время опять замечается обострение злобы к ортодоксальному марксизму. Еще ликвидаторов слегка поощряют, нашего же брата преследуют всеми способами. В литературном обществе на днях

рызыгрался грандиозный скандал, осложненный личным инцидентом. «Русск^ое» богатство» объявило нам открытую войну. Необходимость погасить личное столкновение заставило нас пойти на худой мир, но, кажется, вскоре опять загорится бой между марксистами и неонародниками³. Это производит впечатление нежелательной резни среди демократии, но это связано с несомненным оживлением настроения. Смерть Толстого встряхнула общество. Начались студенческие демонстрации, зашевелились рабочие⁴. Иногда, правда, кажется, что попал из восьмого класса в подготовительный, — так напоминают последние дни какой-нибудь 1908 или 1909 год. Но все же лучше, чем ничего. Ведь с 1905 года мы не видели ни одной демонстрации! Жаль, что нам приходится идти волнообразным путем, что наша жизнь напоминает музыкальный термин *da saro al fie**, но мы вздохнули легче после того, как петербургские улицы снова покрылись народом и на Невском снова взвились флаги с подписью: долой смертную казнь. Газета теперь еще более необходима; к сожалению, все время возникают какие-то беспредметные трения. Однако я надеюсь, что все уладится. Вашу рукопись для газеты хорошо бы иметь недели чрез 1½. Я хочу сосредоточить важнейший материал так, чтобы по разрешении технических вопросов уже не было никаких затруднений.

Для журнала же рукопись, за обещание которой приносим Вам глубокую благодарность, нужна будет именно в тот срок, который Вы указываете: недели через 2—3. Нам очень важно напечатать ее в январской книжке. Будем ждать ее с нетерпением. Привет Марии Федоровне, новобрачным⁵ и всему милому острову Капри.

Ваш Ник. Иорданский

Р. С. «Современник», по-видимому, пускает слухи, что Вы состоите в его редакции. Я не знаю, как сложится этот журнал, но здесь к нему относятся с известным недоверием. Очевидно, его литературная «солидность» мало выясняется. Забыл написать о «Шебарше»⁶. Рассказ этот вызвал у нас разногласия, и теперь мы его разжевываем коллективно, по нашему обыкновению в таких случаях. Поэтому пока не могу сказать ни да, ни нет.

Посылаю для Вашего личного ознакомления новый рассказ Андреева, который появится в декабре у нас⁷. За два года это — единственная вещь его, которая меня взволновала.

¹ Очевидно, за ст. В. Микотина «Памяти С. А. Муромцева» в кн. 10 «Русского богатства». 28 октября 1910 г. в ряде газет было опубликовано сообщение о наложении ареста на эту книгу и о привлечении Короленко как редактора журнала к ответственности по 129 ст. Горький предположил, что журнал арестован за ст. самого Короленко «Черты военного правосудия». Он писал Короленко: «Пришли газеты, прочитал о привлечении Вас к суду. — эдакая мерзость! За что? За Вашу статью? За Табурина? Или — по совокупности? (...) Разрешите ли Вы организовать протест, если дело дойдет до суда?» (*Горький и Короленко*, С. 64—65).

² Решение не печатать в проспекте заглавий произведений было вызвано, вероятно, упоминавшимся выше конфликтом «Современного мира» с «Речью». Вместе с тем, возможно, и сам Горький возражал против предварительной рекламы.

³ О каком конфликте идет речь, установить не удалось.

⁴ В ноябре 1910 г. в дни траура в связи с кончиной Л. Толстого усилилось студенческое движение. Студенческие забастовки и сходки прошли во многих учебных заведениях Москвы, Петербурга, Киева, Юрьева, Харькова, Одессы и др. 11 ноября 1910 г. состоялась массовая демонстрация протеста против смертной казни. См.: В. И. Ленин. Т. 20. С. 1—3.

⁵ З. А. и Л. П. Пешковым.

⁶ Рукопись повести А. Н. Тихонова «Шебарша» была передана Горьким в «Современный мир» после того, как Пятницкий высказался против ее публикации в «Знании» (*Горьк. чт.* 1959. С. 14, а также п. 6).

⁷ Рассказ Андреева «День гнева» был напечатан в «Современном мире» (1910, № 12). Отзыв Горького о рассказе см. в п. 5.

* Повторение исполнения от начала и до конца (*ит.*).

5. ГОРЬКИЙ — ИОРДАНСКОЙ

(Капри. Не ранее 16/29 ноября 1910 г.)

Дорогая Мария Карловна.

Спасибо за любезность.

Рассказ Андреева прочитал, красиво написано и не без намерения поднять репутацию, но — избави нас боже от свободы по Андрееву. Мы ее имеем издревле, она-то, главнейше, и мешает нам жить по-человечески, ибо имя ее — нигилизм в мысли, а в действии — анархизм. Перестать бы ему танцевать этот легкий танец, не требующий никакого искусства и труда¹.

Какие Вы умники, что отказались печатать черный роман Арцыбашева, требующий подзаголовка: Лев Толстой и Федор Достоевский с Антоном Чеховым в вольном изложении храброго и мрачного гимназиста Михаила Арцыбашева. И — эпитафия: «читатель, трепещи, я те дам, ибо у нас в гимназии ни во что не верят»².

Кстати, скажите ему, при свидании, что чижи хохла не имеют, а есть вид хохлатого жаворонка, но чиж похож на жаворонка еще меньше, чем Арцыбашев на философа.

Обратите внимание на «Черного Араба» Пришвина³ — какая прелесть, а. И вообще — талантливый это человек. В «Русском богатстве» интересен Табурий⁴, а у Вас — Юшкевич — «вы понимаете». Можно подумать, что он писал рассказ сидя в пролетке, а старенькая лошадевка, которая его везла, прихрамывает, богова скотина⁵.

Мне нужно знать, когда у Вас пойдет «Мордовка»⁶, очень прошу известить меня об этом. А также сообщить о судьбе «Шебарши»⁷ очень прошу.

Из Ваших палестин сообщают ужасные вещи о действиях «маньчаров»⁸ — дикое племя какое-то.

А «Деревня» будет оценена, будет⁹. Это — произведение исторического характера, так о деревне у нас еще не писали. Очень грустно, что местами Иван Алекс. придал этой вещи колорит туземный, этнографический, слишком щедро разбрасывая местные речения, но — это легко устранить. Вот тема для статьи «Деревня и дворянство в изображении Алексея Толстого и Бунина», — но необходимо, чтобы статью писал человек, не только с русской литературой малость знакомый, а и знающий русскую историю. Вы такого знаете. Я — тоже¹⁰.

Сколь сладок у Вас Львов¹¹. Огорчить бы его, право, чем-нибудь. Хоть бы книжки внимательно читать научился он.

Привлекли бы Вы к себе Сургучева¹², да и Коцюбинского тоже — приятные писатели. О Коцюбинском не судите по первому тому: подбор сделан пестро, но неудачно¹³. А Никифорова написала сентиментально, грубо и никудышно¹⁴. Человек, который должен писать хорошо и серьезно, — это Каржанский, обратите внимание на его «Париж»¹⁵. Молод, очевидно, а к посему — несколько кокетничает, подобно козлу, но — это пройдет, надеюсь.

Любопытнейшая вещь «Записки литературного Макара» Сивачева¹⁶. Вам, по званию Вашему с-декскому, необходимо обратить внимание на сию вещь и объяснить ее толково читателю-демократу.

Помогите мне достать обе книжки Свирского «Дневник знаменитости»¹⁷ и Галунова «Сосуды скудельные»¹⁸ — черт их знает, кто издал и где они продаются, не могу узнать. Купите за мой счет и пришлите, буду очень благодарен.

Печатается по машинописной копии.

Датируется по содержанию и по п. Иорданского от 11/24 ноября 1910 г.

¹ Рассказ «День гнева».

² О романе Арцыбышева «У последней черты» Горький писал многим корреспондентам.

³ *Пришвин М. Черный Араб: Степная жизнь* // *Русская мысль*. 1910. № 11.

⁴ Повесть Вл. Табурина «Жива душа» печаталась в «Русском богатстве» (1910, № 10, 11). В «Современном мире» (1911, № 7) был опубликован его рассказ «Кожаные перчатки».

⁵ Речь идет о повести С. Юшкевича «Улица» (Современный мир. 1910, № 11, 12), написанной в разговорной манере, с повторяющимся обращением к читателю «вы понимаете».

⁶ Горький послал в «Современный мир» рассказ «Мордовка», который был опубликован в январской книге журнала за 1911 г. Одновременно рассказ вышел отдельным изданием в изд-ве Ладыжникова.

⁷ См. п. 4, прим. 6.

⁸ Горький иронически называл «манычарами» окружение Куприна. Петр Дмитриевич *Маныч* — литератор. «В течение нескольких лет Маныч неотступно играл роль адъютанта Куприна. Он исполнял всевозможные (не только деловые) поручения, сопровождал его во все рестораны и театры», — вспоминала Куприна-Иорданская) (*Куприна-Иорданская М. К. Годы молодости*. М., 1965. С. 151).

⁹ В 9 и 10 кн. «Современного мира» завершилась публикация повести Бунина «Деревня».

¹⁰ Возможно, Горький имел в виду Амфитеатрова.

¹¹ Очевидно, Горький имеет в виду статьи В. Львова-Рогачевского о символизме, которые под общим названием «Лирика современной души» публиковались в 1910 г. в «Современном мире»: «К. Бальмонт» (№ 4); «В. Брюсов» (№ 5), «Владимир Соловьев. Андрей Белый. Александр Блок» (№ 8), «Русская литература и группа символистов» (№ 9), «Быть или не быть русскому символизму» (№ 10).

¹² Сургучев в «Современном мире» не печатался.

¹³ В первый том «Рассказов» Коцюбинского (СПб.: Знание, 1911) вошли рассказы: «На камне», «Куколка», «Цвет яблони», «Смех», «Под минаретами», «В дороге», «Ради общего блага», «Дебют», «В грешный мир», «Поездка в Криницу».

¹⁴ Очевидно, речь идет о рассказе Л. А. Никифоровой «Артель», опубликованном в XXXIII сб. «Знания» (СПб., 1910).

¹⁵ Н. С. Каржанский заинтересовал Горького своими очерками «Париж. (Из записной книжки неизвестного)».

¹⁶ Автобиографическая книга М. Сивачева «Прокрустово ложе. Записки литературного Макара» (кн. 2. М.: Современные проблемы, 1911) привлекала внимание Горького как «одно из значительнейших явлений современности, подтверждающих ... раскол демократии и интеллигенции» (XXIX, 202—203).

¹⁷ Речь идет о рассказе А. И. Свирского «Из дневника „знаменитого“ писателя» (*Свирский А. И. Рассказы*. СПб.: изд-во «Освобождение», 1910. Т. 2).

¹⁸ *Галунов А. Сосуды скудельные: Трилогия*. М.: т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1910 (ч. I «Поденка», ч. II «Акробаты», ч. III «Люди»).

6. ИОРДАНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Петербург.) 2/XII 1910

Дорогой Алексей Максимович.

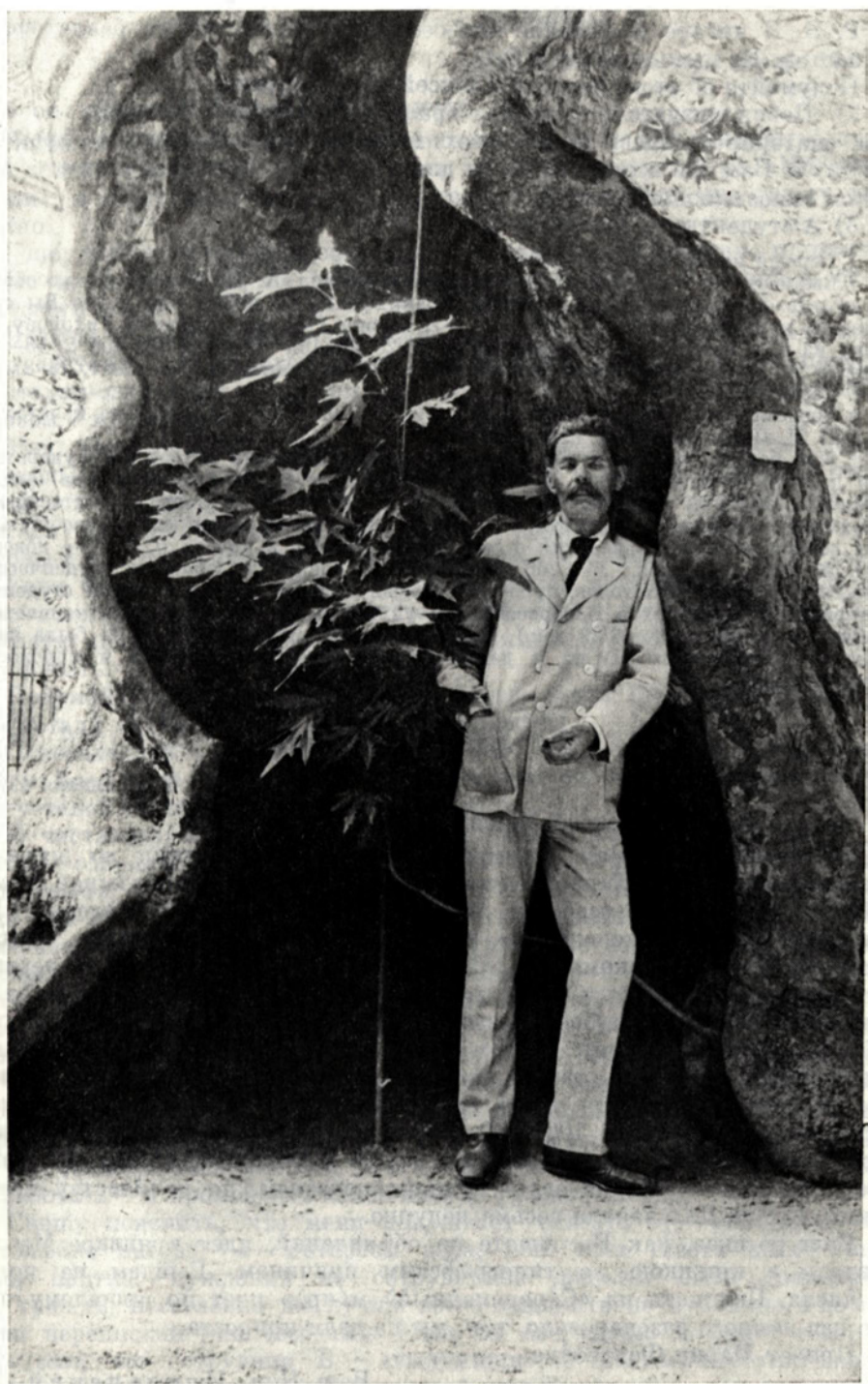
Пишу Вам несколько слов, чтобы сообщить

1) газета выходит 11 декабря¹. Очень ждем Вашей рукописи.

2) О «Шебарше». Редакция в принципе — за напечатание этой яркой вещи, но с известными переделками и сокращениями. Первая часть — поведение гимназистов — абсолютно невероятна. Этого нигде не может быть с точки зрения формального порядка просто. Автор счел долгом «стилизовать» явления слегка по сологубовски, а это означает в просторечии, что всякое существующее явление превращается в слона. Выходит грандиозная невозможность. Но о сем Вам будет подробное письмо, специалиста — Влад. Павловича Кранихфельда, который изложит досконально все редакционные пожелания. Пропадать этой вещи нельзя, вторая часть сильна и ярка². За рассказ — большое спасибо. Он идет в январе³. Все, кто читал его, находят, что на редкость удачная вещь, тонкая работа, мягкий и теплый рисунок...

Крепко жму Вашу руку, привет Марии Федоровне.

Ваш Ник. Иорданский

ГОРЬКИЙ У ДРЕВНЕГО ПЛАТАНА

Фотография Н. А. Румянцева. Италия. 1913.

На дереве табличка с надписью:

«*Platanus Orientalis*» с указанием района распространения этого вида и года его посадки
Музей Горького, Москва

Р. С. В январе и феврале мы собираем воспоминания беллетристов о Толстом. Не напишете ли и Вы?⁴

Подумайте об этом, дорогой Алексей Максимович!

2) Певин — издатель газеты «Уральская жизнь»⁵, которая, по словам екатеринбуржцев, была «всех направлений» в разные времена. Сообщаю Вам на всякий случай, для сведения. Теперь эта газета держится оппозиционной линии.

3) А студенты-то! Опять *da capo al fine*!⁶

¹ Первый номер «Звезды» вышел 16/29 декабря 1910 г.

² Выписку из п. Иорданского Горький направил А. Н. Тихонову и сообщил, что телеграфировал в журнал, «чтобы Кранихфельд не писал мне и что Вы сами приедете к ним» (Горьк. чт. 1959. С. 16). Позже Горький отправил Тихонову выписку из п. к нему М. К. Иорданской от 15/28 января 1911 г. (Там же. С. 18—19). Повесть А. Н. Тихонова была напечатана в «Современном мире» (1911, № 8).

³ Рассказ «Мордовка».

⁴ Воспоминания беллетристов о Толстом в «Современном мире» не печатались.

⁵ П. И. Певин. С 1911 г. стал издателем журн. «Современник».

⁶ 3/16 декабря социал-демократическая фракция внесла запрос в Государственную думу о происходивших 30 ноября/13 декабря избиениях студентов высших учебных заведений в связи со студенческими сходками в знак протеста против смерти заключенных в Зерентуйской тюрьме. Печати было запрещено сообщать об этих событиях, однако сведения о них просачивались в прессу (Одесские новости. 1910. № 8265. 4/17 дек.; № 8266. 5/18 дек.). Иорданский, участник студенческого движения в конце 90-х годов, проявлял особый интерес к выступлениям студентов. Материалы о событиях в Новороссийском университете (Одесса) были напечатаны в «Звезде» (1910, № 1, 16/29 дек.). В «Современном мире» (1911, № 2) была помещена ст. Иорданского «Отцы и дети» — о студенческом волнении и положении высшей школы.

7. ИОРДАНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Петербург.) 10/23 января 1911 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Давно не писал Вам, занятый хлопотами и работами по журналу и газете, а Мария Карловна это время проводит, по большей части, в Финляндии, где не особенно легко пишутся письма. Получаете ли Вы «Звезду»? Наша «экспедиция» так плоха, что я, на всякий случай, посылаю Вам один комплект. Не судите слишком строго: во-первых, литературный инвентарь наш очень слаб; все одичали, разбежались или сидят по углам и боятся взяться за перо. Приходится будить людей и напоминать им о том, что они — еще люди. Во-вторых — мы должны сохранить газету до выборов во что бы то ни стало¹. Вот и приходится быть тише воды ниже травы. Ждем от Вас поддержки, хотя бы строк 100—150 о чем угодно и как угодно. Постарайтесь, Алексей Максимович! Интерес к газете большой, но распространение пока еще не организовано. Однако печатаем, по количеству требований, 15 000. Для начала весьма недурно.

Ваш рассказ, как Вы знаете из объявлений, идет в январе. Мы запоздали с книжкой по типографским причинам. Выйдем не позже 18 числа. Подписка на «Современный» м<ир> идет по прошлому году, что нас немного разочаровало, т. к. мы не дали прироста.

Привет Марии Федоровне.

Ваш Ник. Иорданский

¹ Речь идет о сохранении «Звезды» до выборов в IV Государственную думу, т. е. до сентября — октября 1912 г. Газета выходила до 22 апреля/5 мая 1912 г. В этот день вышел первый номер большевистской газ. «Правда».

8. ГОРЬКИЙ — ИОРДАНСКОМУ

(Капри. Не ранее 15/28 января 1911 г.)

Дорогой Николай Иванович.

Посылаю рукописи для «Современного мира» и для «Звезды»¹, нужным считаю сообщить, что «Сказки» посланы мною также «Киевской мысли», в ответ на любезность издателя, выславшего мне газету бесплатно.

Гонорарий за статью о самоучках определите по нормам, принятым у Вас и, пожалуйста, не задерживая, внесите его Чечулиной в фонд «Детского дома»².

Позвольте мне предложить Вам следующее: поднимите у себя в журнале агитацию за необходимость организовать Общество для помощи писателям-самоучкам — помощи не только материальной, но главным образом — моральной.

Мне кажется — это хорошая идея, осуществить ее — давно пора, писатель-самоучка явление, распространенное у нас, как нигде, и очень вероятно, что при умной помощи таким писателям со стороны они выдвигали бы из своей среды людей более крупных, чем Дрожжины, Семеновы и другие в настоящем, Кольцов, Суриков в прошлом³.

Если бы «Современный мир» взялся бы за организацию такого нового демократического «литературного фонда» — это создало бы ему хорошую позицию в демократии и, несомненно, увеличило бы его популярность.

Подумайте над этим. Буде понадобится, я мог бы сообщить некоторые детали плана организации такого Общества.

Относительно «Звезды» — скажу — Вы не обидетесь, — тускловата она у Вас⁴. Что-то холодное, нудное и как бы по обязанности творимое усталой рукой, неверующим сердцем.

В частности, меня лично удивила статья Орловского, он пишет по поводу «Матери»: «Ниловна... представляет тип надуманный, маловероятный»⁵. Столь категорическое суждение является бестактным, если оно не обосновано. Зачем подрывать признанное пропагандистское значение образа Ниловны. А потом — суждение это неверно: Ниловна — портрет матери Петра Заломова⁶, осужденного в 901 г. за демонстрацию 1-го Мая в Сормове. Она работала в организации, развозила литературу, переодетая странницей, в Иван(ово)-Вознесенск(ом) районе и т. д. Она — не исключение. Вспомните мать Кадомцевых⁷, судившуюся в Уфе за то, что она пронесла в тюрьму сыну бомбы, коими была взорвана стена во время побега. Я мог бы назвать с десятков имен матерей, судившихся вместе с детьми и частью лично мне известных.

Ах, господа, господа. Как хочется иногда крикнуть вам — не мешайте работать — и промолвить какое-нибудь русское словцо.

Спешу пояснить, что меня понуждает сказать это отнюдь не мое самолюбие автора, — а — интересы дела, ибо, если газета имеет в виду цели партии, — суждения ее сотрудников должны быть солидарны, это трюизм, несогласия же лучше всего выяснять не публично, а до времени перепиской или беседами. Если же сотрудник А. будет говорить читателю, что сотрудник Б. — «выдумщик», то читатель поступит вполне естественно, если не станет верить ни А., ни Б.

Вы меня извините, я как будто привязываюсь к мелочам, но — для меня это не мелочи: чуткое ухо сразу услышит в хоре неверные ноты, а уши народа всегда чутки.

Датируется по п. Иорданского от 10/23 января 1911 г.

¹ Горький послал для «Современного мира» рукопись ст. «О писателях-самоучках» (Современный мир. 1911. № 2) и рукописи I и II «Сказки об Италии»

(Звезда. 1911. № 7. 29 янв./11 февр.; «Киевская мысль». 1911. № 29. 29 янв./11 февр.).

² О Детском доме им. Л. Н. Толстого см.: Г—А, п. от конца дек. 1910 г., прим. 2.

³ Речь идет о крестьянском поэте-самоучке Спиридоне Дмитриевиче *Дрожжине* (1848—1930); писателе, авторе «Крестьянских рассказов» Сергее Терентьевиче *Семенове* (1868—1922); поэте А. В. *Кольцове* (1809—1842) и поэте Иване Захаровиче *Сурикове* (1841—1880).

⁴ В. И. Ленин писал Горькому 3 января 1911 г. (н. ст.): «Как нашли „Звезду“ и „Мысль“? Первая — тускла, по-моему» (В. И. Ленин и А. М. Горький. С. 70).

⁵ В ст. «Две матери» (Звезда. 1911. № 4. 6/19 янв.) П. Орловский (В. Воронский) писал: «Образ Ниловы был необычен, идеализирован, походил скорее на то, что могло бы быть, а не на то, что бывает в повседневной жизни, а потому и Нилова (...) представляет тип надуманный, маловероятный».

⁶ Петр Андреевич *Заломов* (1877—1955) — революционер, создал социал-демократическую организацию в Сормове. Оужден в 1902 г., с помощью Горького бежал из тюрьмы. Его мать — Анна Кирилловна *Заломова* (1849—1938).

⁷ Иван Самуилович, Михаил Самуилович и Эразм Самуилович *Кадомцевы* — участники революционного движения. Мать *Кадомцевых*, Анна Федоровна *Кадомцева*, передала в тюрьму сыну Михаилу бомбы и оружие для организации побега его вместе с приговоренным к смертной казни товарищем; побег оказался неудачным. Михаил и А. Ф. *Кадомцева* были арестованы. Суд над ними начался в феврале 1909 г. А. Ф. *Кадомцева* была оправдана, М. С. *Кадомцев* — приговорен к смертной казни, которую заменили вечной каторгой. Горький интересовался семьей *Кадомцевых*. И. С. *Кадомцев* с семьей жили в 1909 г. на Капри, позже туда приехал Э. С. *Кадомцев*. В материалах к повести Горького «Сын» сохранилась переписка М. С. и И. С. *Кадомцевых* с их сестрой И. С. *Ивановой*, относящаяся к 1908—1909 гг. (см.: М. Горький и современность. М., 1986; также: *Хвостов Л. Н.* «Братья *Кадомцевы*». Уфа, Башкирское кн. изд-во, 1970).

9. ГОРЬКИЙ — ИОРДАНСКОЙ

(Капри. Январь 1911 г.)

Вот еще что, Марья Карловна —

я только сейчас прочитал «Наше преступление» Родионова¹, эта подлая и лживая книга вышла уже шестым изданием! Помните — Чуковский в «Речи» противопоставлял ее «Лету» и — одобрял?² Так вот что: книга эта так гадка, а в то же время на нее так часто ссылаются, как на правдивое освещение действительности, что ей следовало бы посвятить маленькую статейку или большую рецензию, назвав хотя бы «Запоздалая рецензия».

Я Вас очень просил бы устроить это и поместить рецензию тоже в февральской книге, где будет моя статья³.

Скажите рецензенту следующее: Родионов описывает город Боровичи Новгородской губернии, пригород Спас и селения по течению Мсты — в одном случае даже названа деревня Потерпелицы, такая есть на Потерпелском пороге Мсты. В этой местности крестьянство не земледельческое, а фабрично-заводское, там залежи фарфоровой глины и большие немецкие фабрики, между прочим одна — на земле Евгения Аничкова, его можно бы спросить, таковы ли там нравы, как их изображает Родионов? Условия труда — очень тяжкие, заработки плохие, народ истощен — обо всем этом Родионов молчит, а это, согласитесь, важно и очень изменяет его картину.

Затем — необходимо отметить отчаянное противоречие предисловия и текста⁴. Противоречие это явствует, что Родионов, написав глупую и гадкую вещь, кому-то показал ее, а тот догадался, что книгу, если ее оставить как она написана, признают шаблонно клеветнической и не обратят на нее внимание.

Тогда было составлено зазывающее предисловие в гуманитарном духе, оно-то и заставляет читать эту гадость. Между предисловием и текстом, повторяю, нет ничего общего, я глубочайше уверен, что дело происходило именно так, как догадываюсь, и думаю, что рецензент мог бы догадку мою взять именно как догадку, как предположение.

Думаю также, что напечатать такую рецензию — долг порядочных людей и демократов. Организация демократии — очередная задача. Вы это понимаете, конечно; действуйте же в этом направлении определеннее и резче, старайтесь завоевать журналу симпатии в низах — в этом я вам неизменный помощник.

Имейте в виду, что после фельетона Чуковского в «Речи» была заметка о том, что Родионов, земский начальник, выбивает зубы мужикам, необходимо сопоставить оба отзыва этой газеты — очень пикантно.

Помещенная в одной книге с моею статьей, рецензия произведет чудесное впечатление и даст книжке хороший звук и запах.

Чуете.

Датируется по содержанию.

¹ О кн. И. А. Родионова «Наше преступление. (Не бред, а было). Из современной народной жизни» (6-е испр. изд. СПб.; тип. А. С. Суворина, 1910) Горький писал в это же время Амфитеатрову. См. переписку Горького с Амфитеатровым (ст. Н. И. Дикушиной).

² Ст. К. Чуковского «Новый Горький». См. также: Г—А, п. от конца января 1911 г.

³ Ст. Горького «О писателях-самоучках» была напечатана в № 2 «Современного мира» за 1911 г. В этом же номере была напечатана ст. Е. Смирнова «Чье преступление?» («Наше преступление» г. Родионова и процесс г. де Ласси).

⁴ Е. Смирнов писал: «И каким отвратительным лицемерием отдаёт предисловие г. Родионова, в котором он заявляет, что если крестьянин — зверь и скот, то это „наше преступление“ — преступление интеллигенции, оставляющей крестьянина коснеть в скотском невежестве и безобразии. Он зовет интеллигенцию „в народ“. Но не всю интеллигенцию. Огромное большинство ее, как он показывает в своем пасквиле, развращает народ, потакает его скотству и зверству. Г. Родионову нужна другая интеллигенция, та, которая, подобно хирургу в его произведении, проповедует виселицу как главное средство борьбы с народным пьянством и невежеством» (Современный мир. 1911. № 2. С. 301).

10. ИОРДАНСКАЯ — ГОРЬКОМУ

(Петербург.) 16-го февр(аля) 1911 г.)

Дорогой Алексей Максимович,

посылаю Вам статейку о книжке Родионова, которая появится у нас в феврале.

Февральская книжка, к сожалению, выйдет тоже не раньше 20-го февр., так как вчерашний обыск тоже внес некоторую временную дезорганизацию в правильное движение редакционной жизни. Впрочем, многое, наверное, быстро восстановим. По-видимому, письма моего к Вам из Финляндии Вы не получили¹ — я очень благодарил Вас за то, что Вы дали нам Вашу статью и очень просила Вас написать подробнее о том, в какой именно форме можно было бы осуществить Ваш план организации помощи для писателей-самоучек. Ведь если во главе такого дела станет журнал, то естественно, что от журнала ведь будут требовать *печатания* произведений, подобных тем, какие Вы указываете в Вашей статье. Это же, конечно, совершенно невозможно. Как же быть? Или же Ваша мысль заключается в том, что общество это задалось бы целью доставления и изыскания средств для этих авторов? Тогда организовалось бы что-либо подобное «Литературному фонду», но с той разницей, что при оказании помощи «Литературный» фонд требует литературного и довольно большого ценза, а здесь литературный ценз, конечно, отсутствовал бы. Вот те вопросы, с которыми я обращалась к Вам.

Статью Вашу мы читали вслух в редакции в присутствии некоторых наших ближайших сотрудников — читали с величайшим интересом и увлечением, но всем нам пришла в голову одна мысль, что Вы, говоря о том сравнительно большом влиянии, какое имел на «писате-

лей-самоучек» Андреев², совершенно ни единым словом не упоминаете, какое громадное, преобладающее влияние имели Ваши произведения. Нам хотелось даже сделать в этом направлении примечание от редакции, но без Вашего разрешения мы не решились этого сделать, спрашивать же Вас — дожидаться ответа, задержало бы книжку. Мне лично кажется, что необходимо будет Кранихфельду коснуться этого вопроса, в одном из ближайших своих откликов³. По-видимому, Вы совершенно не желали касаться этого вопроса. Мы же в редакции, читая ежедневно иногда по несколько беллетристических вещей, наталкиваемся во множестве случаев не только на общее влияние Ваших произведений на данного автора, но сплошь и рядом даже на простое переложение иногда в грамотной, а иногда и в совершенно безграмотной форме какого-нибудь из Ваших рассказов.

Я уже не говорю о целой плеяде авторов даже с именами, как Скиталец, которые выросли исключительно из Вас. По-моему, Кранихфельду или какому-либо другому из наших критиков необходимо отметить это в дополнение к Вашей статье.

Сколько писем у меня Алекс<андра> Иван<овича>⁴, где он восторженно пишет о своей первой встрече с Вами — «тем самым Горьким, у которого, как у Толстого и у Чехова, каждый начинающий автор должен учиться, как надо писать».

И что все они, сейчас пишущие, у Вас учились, включая сюда того же самого Андреева, — ведь это же совершенно несомненно, как бы они сейчас ни кричали о том, что они совершенно «сами по себе».

— Сами да не совсем сами!

«Деревня» Бунина, мне кажется, была бы построена им по какому-нибудь иному плану, не появившись до нее «История города Окурова».

Много было у меня приготовлено для Вас вырезок из разных газет — интервью с Шалапиным по поводу его коленопреклонения⁵.

Упоминает везде о своем друге Максиме Горьком, за которого хотел просить царя. Но весь этот материал у меня при обыске забрали, т. к. все лежало в отдельном конверте с подписью «для Алексея Максимовича».

Вообще аресты и обыски теперь идут страшные — с одной стороны, студенческое движение⁶, а с другой, видимо, ждут чего-то и опасаются празднования 19-го февр<аля>⁷. По всей вероятности, все собрания и заседания в этот день будут запрещены.

Приходилось мне последнее время видеть многих профессоров из кадетов — бьют себя в грудь со слезами на глазах, что «готовы умереть за молодежь», а между тем читают лекции и таким образом провозглашают аресты обструкционистов.

Так же и Леонид, говорит его друзья — «весь горит студенческим движением». Тем из студентов, кто приезжает к нему и советуется с ним, произносит самые зажигательные и горячие речи о необходимости *совместно* (?) продолжить начатое дело, ни перед чем не останавливаясь, а, между прочим, не остановился пока что лишь перед тем, чтобы выдать охранному отделению больного нелегального⁸.

Проектирует Андреев сейчас новый журнал, во главе которого он и станет⁹. Издателем будет его родственник Михайлов (издательство «Прометей») ¹⁰ — тот самый, который несколько дней вместе с агентами полиции дежурил в подъезде «Речи», руководя облавой на Абрама. Журнал будет критико-публицистический, может быть, даже без беллетристики или допуская ее лишь изредка, не в каждом номере. Все бы это было, конечно, ничего — мало ли какой каши нынче не выходит под видом журнала, взять хотя бы народившийся в этом году «Всеобщий журнал» ¹¹ — сотрудники его взяты из адресной книги — «Весь Петербург» ¹², а во втором отделе его помещаются сообщения о родившихся

«детях-обезьянах и деревьях-карликах». Журнал же Андреева будет называться «Суд идет». Нет, Вы только подумайте — Суд идет!.. Кого может судить Андреев и с точки зрения каких взглядов и направления он будет судить?.. Впрочем, следует добавить, что, кажется, он предполагает обрушиться главным образом на своих критиков и с ними свести счеты. Тогда задачи его, конечно, легче и компетенция Суда, к счастью, сузится.

Очень и очень надеюсь летом вырваться снова отсюда и попасть хоть на недельку на Капри¹³ — повидаться и поговорить с Вами и Марией Федоровной. После этого снова на долгое время почувствую себя бодрее душой.

Жму Вашу руку и крепко целую Марию Федоровну.

М. Иорданская

Вчера торопилась написать ей, т. к. хотя обыск и был закончен, но полиция дежурила еще у входа и можно было ожидать всего, т. е. что, быть может, некоторое продолжительное время еще не будешь иметь возможности написать письмо.

Год устанавливается по содержанию.

¹ Письмо Иорданской Горькому не разыскано.

² В ст. «О писателях-самоучках» Горький писал: «В материале, который теперь я имею в руках, — почти совершенно отсутствует подражание. Единственный писатель, техника которого, видимо, влияет на самоучек, это — Андреев» (Современный мир. 1911. № 2. С. 188).

³ Кранихфельд вел в журнале постоянный отдел «Литературные отклики». Намерение редакции не было осуществлено: в «Литературных откликах» за 1911 г. вопрос о воздействии Горького на современных писателей не поднимался.

⁴ А. И. Куприна.

⁵ Об «инциденте» с «коленопреклонением» Шалипина см.: Г—А. Многочисленные сообщения и интервью печатались во всех русских газетах.

⁶ В начале 1911 г. студенческое движение продолжало развиваться, в ряде газет появился раздел «Студенческое движение», где ежедневно публиковались сообщения о событиях, в частности в Московском и Петербургском университетах.

⁷ 19 февраля 1911 г. царское правительство торжественно отмечало пятидесятилетие со дня освобождения крестьян.

⁸ Л. Н. Андреев. Речь идет об эпизоде с М. Х. Румянцевым (по нелегальному паспорту А. Г. Ковбасенко), жившим на даче Л. Н. Андреева. Этот эпизод получил широкую огласку в прессе. В п. от 15/28 января 1911 г. М. К. Куприна-Иорданская сообщала Горькому подробности «покушения» и о том, что послала на Капри газетные публикации по этому поводу (АГ). См. также: ЛН. Т. 72. С. 446.

⁹ Замысел Андреева не был осуществлен.

¹⁰ Николай Николаевич Михайлов возглавлял изд-во «Прометей».

¹¹ «Всеобщий журнал» — ежемесячный, внепартийный иллюстрированный журнал литературы, искусства, науки и общественной жизни, выходил в Петербурге в 1910—1912 гг., ред. Е. Г. Финкельштейн. Программа «Всеобщего журнала», объявляла редакция, «исчерпывает отделы всех обычных толстых журналов», дает «живой отклик на все выдающиеся события современности».

¹² «Весь Петербург» — ежегодная адресная и справочная книга, издание А. С. Суворина.

¹³ М. К. и Н. И. Иорданские гостили у Горького на Капри с 9/22 июля по 24 июля/6 августа 1910 г. (ЛЖТ. Вып. 2. С. 138, 140). См. также кн. М. К. Иорданской «Годы молодости».

11. ГОРЬКИЙ — ИОРДАНСКОЙ

⟨Капри. Декабрь 1911 г.⟩

Уважаемая Мария Карловна.

Прилагаю при сем в копии письмо г. П. Берлина, касающееся редакции «Современного мира»¹, а также мой ответ г. Берлину².

Позвольте напомнить Вам Ваше обещание выслать мне материал для статьи о современных литературных правах³.

Печатается по машинописной копии.

Датируется по содержанию.

¹ Речь идет о столкновении редакции «Современного мира» с П. А. Берлиным, который до ноября 1911 г. был сотрудником «Современного мира» и одновременно журн. «Новая жизнь». Осенью 1911 г. Горький отказался сотрудничать в «Новой жизни», узнав, что журнал предполагал напечатать повесть И. Ясинского. По этому поводу он переписывался с Ясинским и Берлиным. Последний заявил, что он якобы ничего не знал о предполагавшейся публикации повести Ясинского. Копии своих писем Берлину Горький послал Иорданским. Берлин подал заявление в суд чести, требуя рассмотреть поведение редакции «Современного мира» (Иорданских и Кранихфельда), которая якобы разглашает частную переписку «в оскорбительных выражениях». См. в АГ «Заявление П. А. Берлина в суд чести» и п. его Иорданскому от 17 ноября 1911 г.

² Очевидно, Горький переслал Иорданской копию п. Берлина от 19 ноября 1911 г., в котором Берлин выражал изумление, что его переписка с Горьким «по внутри редакционному вопросу попала каким-то образом в редакцию журнала „Современный мир“, которая воспользовалась и пользуется ею для распространения сплетен в оскорбительной для меня форме о моей роли в этой переписке» (АГ). В своем ответе П. А. Берлину Горький писал:

«Уважаемый Павел Абрамович.

Ваши письма и письма г. Ясинского по поводу известного Вам инцидента были пересланы мною Марии Карловне Иорданской потому, что г. Ясинский, в одном из его писем ко мне, приписал Марии Карловне поступок, которого — как я знаю — она не совершала.

Ваши письма — те, коими Вы уличаете г. Ясинского во лжи, — должны показать Марии Карловне, с кем она имеет дело.

Это — частная причина, побудившая меня ознакомить г-жу Иорданскую с перепиской по поводу инцидента.

А помимо этого, Ваши и г. Ясинского письма имеют, на мой взгляд, серьезное литературно-общественное значение: они рисуют моральные основы таких литературно-торговых предприятий, каковыми является предприятие г. Бенштейна.

Мне известно выданное группой литераторов г. Бенштейну удостоверение в его порядочности, но моего отношения к г. Бенштейну оно не поколебало.

Ваше последнее письмо тоже сообщено мною — в копии — Марии Карловне Иорданской вместе с копием сего письма к Вам.

Я счел бы себя неправым, если бы замолчал эту характерную переписку: необходимо, чтобы русское общество знало, каковы те люди, которые ныне стоят на позициях руководителей общественного мнения» (АГ).

³ В начале ноября 1911 г. Горький (это письмо не разыскано) обращался к Иорданской с просьбой прислать материалы «Райлянской истории». В ответном письме Иорданская сообщала, что вскоре пришлет Горькому все материалы по этому вопросу и соберет номера «Петербургской газеты», где печатались интервью с разными лицами «Как должен жить писатель?» «И вообще у меня есть в виду еще разные статейки в этом роде, которые будут для вас, наверное, небезынтересны», — писала Иорданская 17/30 ноября 1911 г. (АГ). В следующем письме Иорданская подтверждала, что материалы о «литературном разврате» ею собраны, но она задержала их отправку в связи с судом по заявлению Берлина (Там же).

12. ИОРДАНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Нейвола. 12/25 декабря 1911 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Мария Карловна передала мне, что она послала Вам все материалы по вопросу о литературном разврате наших дней. Очевидно, Вам захочется высказать свои мысли и чувства по поводу всех этих фактов, которые мне представляются, однако, последними отголосками идейного и морального смятения контрреволюционной эпохи. Мне кажется, что теперь уже чувствуется повсюду потребность подобраться, образумиться... И Ваша статья должна, по-моему, сыграть большую роль в неизбежном и — надеюсь — близком отрезвлении.

Я думаю, Вы понимаете, как нам хотелось бы, чтобы эта статья появилась в «Совр(еменном) мире». Шлем Вам общую нашу просьбу об этом. Несмотря на то что многие герои последних событий наши сотрудники, мы полагаем, что объективная и проникнутая любовью к литературе и уважением к ее достоинству статья, какою будет Ваша, принесет только пользу всем честным писателям.

Мой искренний привет Марии Федоровне. Засев теперь в финских снегах¹, я часто вспоминаю каприйское море и солнце.

Сердечно преданный Вам

Ник. Иорданский

Адрес мой тот же: Finlande, Mustamäki, Neuvola.

12/XII 911 г.

¹ В августе 1911 г. Иорданский был выслан из Петербурга и отстранен от редактирования журнала. В 8 кн. «Современного мира» была напечатана заметка:

«По старому способу (...)

По постановлению особого совещания при министре внутренних дел высылается из Петербурга на два года редактор журнала „Совр. мир“ Н. И. Иорданский. Никаких обвинений г. Иорданскому до сих пор не предъявлялось. Высылка мотивируется тем, что, по агентурным сведениям департамента полиции, г. Иорданский разделяет взгляды соц.-демократической партии.

Редактирование журнала «Совр. мир» переходит к В. П. Кранихфельду» (с. 327).

13. ИОРДАНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

Нейвола. 2 января 912 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Спасибо за доброе письмо. Материалы Вам теперь высланы¹. Кое-что пришлось долго искать. Я советую Вам присоединить к этой коллекции Арабажина. Он теперь играет не последнюю роль во всех грязных историях. Материал о нем в мартовской и апрельской книжках «Русск^{ого} богатства» 1911 г. в статьях Пешехонова и «письме в редакцию» К. Арабажина. Там Вы увидите, как Арабажин сам себя именовал и восхвалял под псевдонимом, как он подзуживал и затем прятался от ответственности в деле пресловутого «банкета печати» 19 февраля². 27 декабря мы отсудились. Мария Карловна судом оправдана в разоблачении «литературного псевдонима» Бенштейна — Н. Архипова³. Суд признал, что Н. Архипов не «литературный псевдоним», а просто фирма. Затем по делу Берлина суд согласился с нашими доводами, известными Вам из записки Кранихфельда, и отказался рассматривать обвинения в разглашении писем, распространении сплетен и проч. ... Совершенно неожиданно из всей жалобы Берлина суд выделил и поставил на рассмотрение в качестве личного инцидента Берлина — Кранихфельда — вопрос о попытке «давления» Кранихфельда на собрание бенштейнцев⁴. Здесь суд категорически признал, что обещание Кранихф(ельда) выступить в печати не может считаться попыткой некорректного давления, так как Кран(ихфельд) руководился общественными и литературными мотивами. Но при этом суд нашел, что некоторые неосторожные выражения могли дать повод Берлину понять слова Кран. в смысле попытки некорректного давления. Последняя часть резолюции, которая совершенно не соответствует действительности, объясняется ловкостью наших противников и нашим нежеланием тащить на суд такого почтенного свидетеля, как Котылев⁵. Кроме того, я все время стоял и стою на той точке зрения, что особенно затягивать суд чести не стоило даже для представления новых доказательств. Это дело — литературное явление, а не литературский «казус». Поэтому нужно с ним бороться литературным, а не судебным порядком. Я еще более убедился в этом на суде. В «кулуарах» мы вели очень горячие споры со свидетелями — «бенштейнцами»: Клейнбортом⁶, П. Юшкевичем и другими. То, что они говорили, было и удивительно и страшно. Они выдавали своего издателя и редактора Бенштейна <с> головою, они говорили о том, что теперь «такое время», когда все замараны и никто не имеет права выступать против других, что теперь все смешались в одну кучу, что журналы — авгиевы конюшни,

которых нельзя очистить, так как после чистки не останется ни одного литератора. При этом, разумеется, приправою были насмешки над марксизмом, который в России «охрип» и перестал быть слышным. Много бытовой правды было высказано нашими противниками, но меня поразило не это — факты мы все давно знаем, — а та наивность и приспособляемость, которая звучала в речах недавно еще непримиримых людей. Все стали какими-то «овцами без стада».

Хорошо было бы нам, Алексей Максимович, собраться духовно снова хотя бы небольшою группою в стройный отряд и для защиты и для нападения. Что-нибудь нужно сделать для этого. Подумайте, может быть, Вам придет в голову счастливая организационная идея. Если мы не соберемся, будет плохо. Каждый день люди отрываются, как камни от скалы, и стираются в потоке жизни до полного обезличения.

В моем уединении я внимательно посмотрел со стороны на нашу литературную среду и с полною ясностью вижу, что надо что-либо делать.

Марксисты затопляются не демократией, а просто улицей. Как помочь? Как остановить в своей собственной среде процесс разобществления личности? Как литератору, мне все кажется, что хорошо было бы начать с создания литературного центра. Но, когда я подхожу к практической стороне этой мысли, я не вижу выхода из лабиринта всяческих трудностей.

Сейчас занялся с хлопотами о возвращении в Пб.⁷ Может быть, удастся выиграть дело. Тогда Мария Карловна отправится отдыхать и, наверно, доберется и до Капри. Она совсем изнервничалась за это время, что-то плохое случилось с ее сердцем, и врачи настаивают на отдыхе, который пока — увы — невозможен. Вообще ее здоровье меня очень беспокоит, и мне вдвойне скверно и нудно сидеть в черте оседлости. Хоть и близко, но журнал требует непрерывной работы у самого станка, здесь же я часто совсем беспомощен.

Мой искренний привет Марии Федоровне.

Преданный Вам Ник. Иорданский

Р. С. О деньгах для детского дома я написал в контору⁸. Насколько я помню, наша контора имела какое-то частное соглашение относительно срока уплаты с детским домом. Я думаю, что теперь это сделано или будет сделано дня через 2—3. Сообщу Вам немедленно.

Роман Крандиевской — пока только в стадии переговоров, и у меня нет веры в то, что он действительно появится у нас⁹. Она как-то мудрит без достаточных оснований, и, в конце концов, мы не можем полагаться на нее, пока знакомы только с отрывками романа. Мне кажется, что Ваше мнение о ней не отличается от нашего.

¹ Речь идет о материалах для статьи Горького о современных литературных нравах, собранных для Горького Иорданскими.

² В «Русском богатстве» (1911, № 3) была опубликована ст. А. Пешехонова «На очередные темы. Волна пошлости», в которой приводились факты неблагоприятного поведения некоторых писателей. В частности, в статье рассказывалось о «банкете печати», устроенном 19 февраля 1911 г. в честь 50-летия со дня реформы 1861 г. Одним из организаторов банкета значился К. Арабажин. В письме в редакцию «Вестника писателей» Арабажин протестовал против того, что Пешехонов включил его в число устроителей банкета. В ответной ст. «Pro domo» Пешехонов приводил письмо Арабажина и ссылался на сообщения печати о причастности Арабажина к устройству банкета и на отчеты газет о банкете, в которых «в качестве одного из видных его участников был отмечен г. Арабажин». Пешехонов упомянул и отчет газ. «Солнце России» за подписью: Solus (Solus — один из псевдонимов Арабажина).

³ Н. А. Беншштейн выступил как издатель «Нового журнала для всех» под псевдонимом «Н. Архипов».

⁴ Речь идет о собрании в редакции журн. «Новая жизнь» 9 ноября 1911 г.

⁵ Алексей Иванович Котылев — литератор.

⁶ Лев Максимович *Клейнборг* (1875—1950) — литературный критик, публицист.

⁷ Иорданский хлопотал о своем возвращении в Петербург из ссылки в Нейволе.

⁸ Для Детского дома им. Л. Н. Толстого.

⁹ Роман Анастасии Романовны *Крандиевской* (Тарховой, 1865—1939) «Тайные радости», объявленный к публикации на 1912 г. (Современный мир. 1911. № 12), напечатан не был.

14. ИОРДАНСКАЯ — ГОРЬКОМУ

(Петербург. Конец февраля/начало марта 1912 г.)

Дорогой Алексей Максимович,

спасибо за сказки ¹. Кое-какие места в цензурном отношении неблагоприятны, но это Вам виднее будет в корректуре.

Я очень давно не писала ни Вам, ни Марии Федоровне, все ждала, что случится что-нибудь приятное и хорошее у нас, да так и не дождалась. Журналы все в этом году в критическом положении. Голод, и поэтому страшный застой на книжном рынке. Земские библиотеки сокращают количество выписываемых экзмп. Учителям тоже не до чтения журналов — словом, очень плохи наши дела. Вы вот упрекали нас в ленивом и небрежном отношении к делу, а подумайте только, каково это вести все-таки дело, когда не имеешь твердой уверенности в том, что ближайшая книжка журнала выйдет, и когда приходится иногда запаздывать с выходом книжки не потому, что она не готова, а потому, что нужно достать еще сначала денег для почты.

Читаешь рукопись или корректуру и в то же время думаешь, — а послезавтра вексель, а Плеханову ² еще весь гонорар не дослан и т. д. и т. д. Вот и сосредоточься-ка тогда только на одной литературной стороне дела. Поневоле руки опускаются, и нет тогда у редакций необходимой бодрости и твердости в ведении дела. Поговорим, поговорим о разных изменениях и нововведениях, да при этом и остаемся.

С осени уже я упорно и безнадежно ищу соиздателя.

Кто приличный человек, у того, естественно, нет денег, у кого есть деньги, с тем невозможно иметь дело. Или еще бывает и так, предлагают внести четыре, пять тысяч, но при этом в редакцию должен войти сам, племянник, тетка или теща, да, может быть, и младший мальчик, когда он подрастет. По-видимому, сейчас это «Миша семи лет». Некий капиталист и притом еще очень твердо настаивавший на том, чтобы марксистская линия твердо выдерживалась бы, (причем никто с ним об этом не спорил), чтобы никаких уклонений и ни в каком случае от этой линии не было, в конце разговора вдруг спросил меня: «А можете Вы гарантировать мне, что на этот капитал, который я вложу в журнал, я ни в каком случае менее 8% прибыли не получу».

Вот это действительно твердая получилась линия! И т. к. гарантий никаких дать, конечно, я не могла, то на сем приятном разговоре дело и покончилось.

Да, большие приходится претерпевать мытарства. Позавидуешь, пожалуй, даже Бенштейну, который в декабре как только увидел падение подписки, так прекратил все платежи — собрал себе подписные деньги за декабрь и январь, а в феврале объявил себя несостоятельным и уехал в Москву. Журналы же его перешли к Розенфельду, который ничем не замечателен, кроме того, что его жена — это О. Миртова, авторна продлинновенных романов в «Русской мысли» «Мертвая зыбь» и «Яблони цветут» ³.

Видалась я недавно с Леонидом Николаевичем. Он почему-то снова восчувствовал ко мне и к Ник. Иван. прилив дружбы. Никак он не может и не хочет понять, почему провалился его «Сашка Жегулев» ⁴. Об-

виняет, конечно, прессу и критиков. Его-де теперь травят со всех сторон. А действительно неуспех этой вещи очень большой и даже несправедливый. Ведь все-таки там есть хорошие места, несмотря на фальшивый тон всей вещи. Ввиду большого провала своих последних сборников «Шиповники» с осени начинают журнал с Андреевым и Ивановым-Разумником. Вы, наверное, уже наслышаны об этом⁵.

Что касается до ведения дела, то Леон(ид) Николаевич сказал мне: «в журнале должны работать только исключительно талантливые люди».

Такое новое открытие, конечно, нельзя не приветствовать, но что же тогда будут делать в редакционной коллегии Копельман и Гржебин?⁶

Никол. Иван. сидит в Финляндии и мучается тем, что не может помочь мне ни в текущей работе по журналу, ни в моих денежных изысканиях. Как только выберется свободная минута, напишу Марии Федоровне о себе более подробно, а пока крепко целую ее и жму Вашу руку.

Мария Иорданская

Датируется по содержанию. См. прим. 1.

¹ Речь идет о «Русских сказках», которые Горький послал в середине февраля — начале марта и просил напечатать в «весенних книжках». См. п. Горького Крапихфельду от 9/22 июня 1912 г.

² Плеханов постоянно сотрудничал в «Современном мире». В 1911 г. в журнале были напечатаны его ст.: «„Освобождение“ крестьян» (№ 2), «М. Погодин и борьба классов» (№ 3), «В. Белинский и В. Майков» (№ 5), «Скептицизм в философии» (№ 7), «А. И. Герцен и крепостное право» (№ 12).

³ Роман О. Миртова (псевдоним О. Э. Негрескул-Котылевой) «Мертвая зыбь» печатался в «Русской мысли» в 1909 г. (№ 8—12); роман «Яблони цветут» — в 1911 г. (№ 4—12).

⁴ Роман Андреева «Сашка Жегулев» был напечатан в кн. 16 альманаха «Шиповник» (СПб., 1911) и подвергся резкой критике в печати (см.: *Русская литература конца XIX — начала XX века. 1908—1917*. С. 502—503). В «Современном мире» (1912, № 1) со ст. «Погодин и Жегулев» выступил В. Львов-Рогачевский. Своему роману Андреев придавал особое значение. «Сейчас я заканчиваю роман „Сашка Жегулев“, и, как только выйдет, пришлю тебе: эта вещь — я думаю — может способствовать окончательному выяснению наших писательских товарищеских отношений. Возможно, что ты примешь ее, и я буду очень рад; но возможно, что и отвергнешь — тогда и толковать не о чем», — писал он Горькому 12/25 октября 1911 г. (ЛН. Т. 72. С. 322).

Горький роман Андреева не принял: «„Сашку“ — читал. Это написано плохо — скучно и пестро, — отвечал он Андрееву. — Удалась, на мой взгляд, только сестра Сашки, одну ее ты написал, не мудрствуя лукаво, и вышло славное. А сам Сашка — деревянная болванка, знакомая издавна: это все тот же изжеванный русской литературой „агнец“, — то есть баран, — приносящий себя в жертву за „грехи мира“...» (Там же. С. 327—328). В 1925 г. Горький написал предисловие к роману «Сашка Жегулев» для американского издания произведений русских писателей. См.: Там же. С. 400—406.

⁵ См.: Г — Ив-Р.

⁶ Соломон Юльевич Копельман (1881—1944) — один из основателей и главный редактор изд-ва «Шиповник».

Зиновий Исаевич Гржебин (1869—1929) — один из основателей изд-ва «Шиповник».

15. ИОРДАНСКИЙ — ГОРЬКОМУ

(Петербург.) 28 апреля (11 мая) 1913 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Наконец-то мне удалось возвратиться в Пб. и снова взяться за ведение журнала. С грустью узнал, что у Вас в этом году не оказалось свободного времени, чтобы дать что-нибудь для «Совр(еменного) мира». А нам именно в этом году Ваша поддержка была бы крайне важна. Вы, вероятно, слышали, как скверно сложились наши денежные дела. И не уменьшение подписки стеснило нас. Все-таки мы имеем 9 тысяч подписчиков в то время, как, например, «Современник» не со-

брал и 2500. Нас сжал старый долг, который поглощает слишком большую часть поступлений. Пришлось принять решительные меры. Платные редакционные места надо было уменьшить. Рогачевский, Вольский и Кранихфельд отошли от редакционной работы, причем Львов и Вольский совсем покинули журнал, Кранихфельд же оставил за собой отдел критики. Вся работа пала на меня и Мар<ию> Карловну. Так<им> обр<азом>, получена экономия в 25 тысяч рублей. При поддержке Н. В. Мешкова мы обернулись с векселями, и теперь, я надеюсь, дело вышло из критического положения. Одновременно я для удовлетворения подписчиков «Новой жизни» выпускаю второе дешевое издание «Совр. мира», т. е. ту же книжку, но с исключением малодоступных для широких слоев статей¹. Это — первый опыт дать новой демократической интеллигенции идейный и дешевый толстый журнал. Мне было бы крайне важно и радостно встретить Вашу поддержку в этом начинании. Может быть, Вам удастся что-нибудь сделать и для «Совр. мира». Аудитория у нас теперь — 15 тысяч «подписчиков», не считая «читателей». Я вел переговоры с Певиным об объединении журналов, но пришлось отказаться от этого плана, так как Певин, Ляцкий и Щеголев — такая троица, с которою нашему брату, литератору, а не коммерсанту, не сговориться².

Мария Карловна шлет Вам привет. Она лежит — и пролежит еще несколько недель — в больнице после тяжелой и опасной для жизни операции. Теперь все шансы за благополучный исход болезни.

Преданный Вам Ник. Иорданский

¹ «Современный мир» — второе издание. Журнал выходил с апреля 1913 г. до 1915 г. под ред. Иорданского, вместо прекратившегося издания журн. «Новая жизнь». Первый номер значился как «внепартийный ежемесячный журнал», в дальнейшем — «ежемесячный литературный, научный и политический журнал». Во втором издании полностью дублировалось содержание художественного отдела «Современного мира» и перепечатывались некоторые статьи из других отделов и часть рецензий на новые книги.

² Иорданская писала М. Ф. Андреевой 18 апреля 1913 г.: «...Ник. Иван. вел переговоры с Певиным о слиянии „Совр(еменного) мира“ с „Современником“ (инициатива исходила от „Современника“), но переговоры эти не привели ни к чему, так как Певин настаивал, чтобы осталось непременно название „Современник“, а не „Совр. мир“. Это бы в конце концов было бы и ничего, но главное это то, что и Ляцкий и Певин, так же как и остальная редакция, непременно настаивают на историческом и историко-литературном характере журнала, тщательно отгораживаясь от статей общественно-политических. На этой почве ведь и были у Ник. Ив. несогласия с Ляцким, когда Ляцкий был членом редакции „Мира божьего“ в 907—908 годах. Тогда, не зная о моих отношениях к Н. И., Ляцкий постоянно распространялся со мной на тему о том, сколь необходимо исподволь и осторожно „вывести из журнала всех эс-деков“. Поэтому меня крайне удивило, когда Ляцкий обосновался в „Современнике“ и на первых порах, по-видимому, отказался от своих прежних взглядов. Но теперь для нас еще раз выяснилось, что с ним все обстоит по-старому и по-прежнему его идеал это собственно не журнал, а ежемесячные сборники, стоящие вне какого бы то ни было направления с полным отсутствием политического отдела. При таких условиях идти на слияние с „Современником“ нам, конечно, не показалось возможным, переберемся уж как-нибудь одни» (АГ). См.: Г — Ляц, п. 52.

16. ГОРЬКИЙ — КРАНИХФЕЛЬДУ

⟨Капри. Не позднее 10/23 декабря 1911 г.⟩

Уважаемый Владимир Павлович!

Не найдете ли возможным поместить в «Совр(еменном) мире» прилагаемую записку о Ф. М. Достоевском?

Мне кажется, что в наше время роста зоологического национализма¹ освещение личности одного из основоположников этого настроения — вполне уместно и своевременно.

Буде заметка не понравится Вам — попрошу Вас известить меня об этом.

Желаю всего хорошего!

А. Пешков

Автор перевода и заметки: Алексей Алексеевич Золотарев, живет на Капри².

Подписать заметку: А. З.

Прилагаю также заметку о Джапаридзе³ — будьте любезны передать ее «Звезде», а если угодно напечатать в «С<овременном> м<ире>» — пожалуйста. Автор — Иван Егорович Вольнов, Капри.

Датируется предположительно по времени опубликования в «Звезде» заметки о А. Л. Джапаридзе.

¹ Об «отвратительной проповеди зоологического национализма», под влиянием которой в России «назревает процесс ее распада на взаимно враждебные племена», Горький писал в первой ст. «Издалека» (Современник. 1912. Кн. 10. С. 220).

² Речь идет о заметке А. А. Золотарева, которая первоначально предназначалась для «Современника». «Будете в среду у Ал. М-ча, скажите ему, что свои 2 заметки о книге Гильома и „Достоевский» в Омской каторге по воспоминаниям Симона Токаржевского» я уже перепечатал на машинке, но не знаю, куда отправить и кому — Амфитеатрову, или же Миролюбову, или лучше всего самому Ал. М-чу», — писал Золотарев Пятницкому 30 октября 1911 г. (АГ).

Воспоминания польского революционера Симона Токаржевского (1821—1890) о Достоевском на каторге под названием «Z pamiętników Szymona Tokarzewskiego» появились в «Gazeta Polska» (1907, № 2—5, 7, 8, 10, 11, 14, 17, 19). Они вошли в кн. «Sedem lat katorgi. Pamiętniki Szymona Tokarzewskiego» (Warszawa, 1907). На русском языке опубликованы не были. В русской печати в 1908—1910 гг. развернулась полемика вокруг этих воспоминаний (Токаржевский упоминал Достоевского и в других книгах. Перевод двух первых глав из книги «Каторжане» опубли.: Звенья. М.; Л.: Academia, 1936. Т. VI).

Получив отказ Кранихфельда, Горький 16/29 февраля 1912 г. послал «отзыв Токаржевского о Достоевском» Миролюбову (XXIX, 227). Перевод и заметка Золотарева опубликованы не были, рукописи их не разысканы. Можно отметить, что в воспоминаниях «Горький — каприец» (1936—1938) Золотарев рассказывал следующий эпизод: «Помню выразительный жест Алексея Максимовича во время беседы о Достоевском. Говорилось о монолитности, монументальности трагика-романиста, о словесной магии его гения. Горький сидел молча, слушал и вдруг, грозя кому-то кулаком, сказал:

— Там разные милостивые государи в Москве убеждают себя и других, что Горький Достоевского в грош не ставит, а Горький закидывает голову вверх и замирает в молитвенном экстазе, — вот он как на Достоевского смотрит» (АГ).

³ И. В. (И. Вольнов). А. Л. Джапаридзе. (Его последние минуты) // Звезда, 1911. 17/30 дек. № 34. С. 6—8. В заметке рассказывалось о трагических обстоятельствах, при которых автору привелось познакомиться с депутатом социал-демократической фракции II Государственной думы Арчилом Левановичем Джапаридзе (1875—1908). Они встретились в арестантском вагоне в день кончины Джапаридзе — 13 декабря 1908 г. Заметка была приурочена к трехлетию со дня его смерти.

17. КРАНИХФЕЛЬД — ГОРЬКОМУ

(Петербург. 7/20 января 1912 г.)

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

При обострении в наши дни национальных вопросов перевод заметки Токаржевского о Достоевском только подольет масла в огонь, если появится в печати¹. Оставляя в стороне узкий национализм, овладевший Достоевским в последние годы его художественной и публицистической деятельности, я обращаю Ваше внимание (как и внимание переводчика) на то, что в «Записках из Мертвого дома» о каторжанах-поляках говорится в общем в примирительном тоне. В частности, о Токаржевском Достоевский два раза упоминает даже в лестных для Токаржевского словах². И вот, много лет спустя, Токаржевский, как бы отвечая Достоевскому, делает этому последнему совершенно отрицательную характеристику, в которой чувствуются какие-то неза-

жившие раны, но не чувствуется спокойного беспристрастия. И, сопоставляя эти взаимные характеристики двух бывших каторжан, я лично не могу не поставить Достоевского, сумевшего найти в своей душе примиряющие ноты, над Токарьевским, который писал свои воспоминания, несомненно зная уже о Достоевском как о выдающемся русском художнике, и не мог все же найти в своей памяти ни одной черты, которая рисовала бы нам не только больного и озлобленного, но и крупного во всяком случае человека. И если такое впечатление от этого сопоставления вынес я, человек, совершенно чуждый националистическим настроениям, то — воображаю — какой материал дало бы появление заметки Токарьевского всяким нововременским и им подобным националистам! По этим соображениям перевод Токарьевского я считаю не только неудобным для напечатания, но прямо вредным.

Пишу с полною откровенностью и не извиняюсь за нее и за сопутствующую ей резкость, потому что твердо уверен, что ни Вы, ни переводчик, которого тоже немного знаю, не примете мои слова в дурную сторону.

Перевод вышлю послезавтра.

Виноватым же себя я все-таки чувствую перед Вами и готов, если возможно, искупить всячески свою вину. Виноват я перед Вами в том, что в своих (известных Вам) заявлениях суду чести по жалобе на меня Берлина³ я злоупотребил Вашим именем. Но, право, для меня иного выхода не было. Жалоба Берлина показала мне, что на нашем журнале захотели отыгаться господа бенштенцианцы — после того, как им не удалось использовать столь вовремя для них разыгравшуюся историю Андреев — Куприн⁴. Их намерение объявить Куприна *в печати* «или негодяем или сумасшедшим» до такой степени взвинтило меня (взвинтило, между прочим, вовсе не из сочувствия к Куприну, а из любви к русской литературе, которую одной возможностью такого ужасного приговора постыдно принижали самозванные судьи), что я многим наговорил весьма неприятных комплиментов. В частности, мой разговор с Арцыбашевым (длительный 6-го ноября и короткий, по телефону, 9-го) сводился к тому, что, дескать, «сами вы все, — самозванные судьи, — хуже вашего подсудимого в миллион раз. Того по крайней мере в наших глазах оправдывает его несчастная болезнь. Вы же и этим не можете оправдывать себя во всех тех тысячах случаев, когда вы поступаете и как общественные и литературные деятели, и как частные люди, хуже вашего подсудимого» и т. д. Я приводил Арцыбашеву десятки случаев, когда сам он поступал хуже, и окончил указанием на бенштейнианство, которое разлагает литературу и которое он же поддерживает. Ссылка на Ваши письма⁵ была крохотной горсточкой в тот мешок зерен, который я высыпал Арцыбашеву, характеризуя бенштейнианство, как целую зловредную систему. И, однако, против меня и против журнала выступили в поход, только ссылаясь на Ваши письма. Я счел необходимым самым решительным образом отклонить этот единственный судебный мотив, готовый выступать на суде против всякого иного определенного обвинения. Суд состоялся 27-го декабря. К сожалению, суд до сей поры не приготовил подробной, мотивированной резолюции, которой я, собственно, и дожидался, чтобы рассказать Вам эпилог. Как только получу от суда писаную резолюцию с мотивами, я немедленно же сообщу ее Вам <...>⁶

Так как я много говорил по необходимости об Арабажине, то прибавлю, что вчера в редакцию явилась М. В. Ватсон, жестоко обиженная за память Надсона и крайне огорченная, что «Речь» не напечатала ее писем, а «Современное» слово» тоже, по ее словам трусящее перед Арабажиным, искажило ее последнее письмо. Все три принесенных ею письма (одно из них принадлежит «Solus'у», т. е. давно

уже открывшему в «Бирж^{евых}» ведо^мостях» свой псевдоним Арабажину) посылаю Вам, в Вашу коллекцию¹.

Боюсь, что нескладным изложением очень затрудню Вас, но надеюсь, что все же Вы разберетесь в моем изложении. Сообщить же обо всем этом я считал тем более необходимым, что Ваше имя все время мелькало и в жалобах Берлина и в моих ответах. На суде, повторяю, Ваше имя не фигурировало, если не считать упоминаний его в письменных показаниях Арцыбашева и Арабажина.

Кстати. Ввиду того, что Арцыбашев позволил себе в письмах квалифицировать мое поведение как «литературный пантаж», редакция «Совр^{еменного} мира» («по поручению редакции») подписал Н. И. Иорданский) предложила ему извиниться, но вот уже прошло больше недели, а ответа от него не последовало.

С искренним к Вам уважением

Вл. Кр а н и х ф е л ь д

¹ Кранихфельд не разделял позицию Горького по отношению к Достоевскому. В «Литературных откликах», озаглавленных «Преодоление Достоевского» (Современный мир. 1911. № 5), он рассматривал постановку «Братьев Карамазовых» в Художественном театре, встретившую, по его словам, «единодушное признание» (с. 322), и находил ее «в общем строго продуманной и прекрасной» (с. 338). «Художественникам нельзя обойти Достоевского в то время, когда русская интеллигенция почувствовала необходимость сосчитать с этим своим гением и так или иначе преодолеть его» (с. 323), — утверждал критик.

² В «Записках из Мертвого дома» Достоевский писал о Токарьевском в гл. VII «Претензия»: «...Т-вский из дворян, твердый и великодушный молодой человек, без большого образования и любивший ужасно Б. Его из всех других различали каторжные и даже отчасти любили. Он был храбр, мужествен и силен, и это как-то высказывалось в каждом жесте его» — и в гл. VIII «Товарищи»: «Т-ский был хоть и необразованный человек, но добрый, мужественный, славный молодой человек, одним словом» (Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 10 т. М., 1956. Т. 3. С. 663, 674).

³ См. п. 11.

⁴ Речь идет о ссоре Куприна с Андреевым. См. о ней в кн. М. К. Куприной-Иорданской «Годы молодости».

⁵ См. п. 11, прим. 2.

⁶ Далее Кранихфельд подробно излагал ход судебного разбирательства по заявлению Берлина.

⁷ Упомянутыми письмами АГ не располагает.

18. ГОРЬКИЙ — КРАНИХФЕЛЬДУ

(Капри. 16/29 января 1912 г.)

Уважаемый Владимир Павлович.

Не понимаю Вашего выражения «подливать масло в огонь», что же Вы, — думаете погасить начинающийся пожар молчанием о нем?¹

С Вашим суждением о Достоевском я, конечно, тоже не согласен: это его «философией» питается современная реакция в сторону индивидуализма и нигилизма, именно на ней базируется весь «внутренний враг» демократии; пришла пора выступить против достоевщины на всех ее пунктах. Очень жаль, если эта необходимость не чувствуется остатками той интеллигенции, коя еще не утратила сознания возможности организовать демократию изнутри и извне, и понимает, что здесь — в этой организации — единственное спасение для нее и для страны от преждевременного и полного развала.

Позвольте мне быть откровенным и просить Вас показать настоящее письмо Н. И. Иорданскому². Недавно он писал мне: «Хорошо было бы собраться духовно снова, хотя бы небольшой группой, в стройный отряд, для защиты и нападения»³. Желание — доброе, хотя несколько запоздалое уже. Я плохо понимаю, для кого и в каких целях издается «Соврем^{енный} мир»; мне кажется, что вы, господа, живя в Питере, живете гораздо дальше от России, чем я, и не слышите ее наиболее громких воплей.

Считая себя социалистами и демократами, вы очень мало внимания обращаете именно на демократию, на те настроения, которыми она живет, то «брожение без дрожжей», которое затемняет ее сознание. Почему вы, например, не следите за такими изданиями, каковы «Народная семья»⁴, «Искры жизни»⁵, «Живое слово», «Жизнь для всех», симбирская «Жизнь»⁶, провинциальные сборники произведений «писателей из народа», Битнерово предприятие «Гимназия для всех»⁷, и на все, чем питается современный массовый читатель? Следить за этим движением — ваша обязанность. Обратите внимание на идеи Сивачева, Завражного⁸, Волкова — посылаю Вам статью последнего и копию моего ему ответа⁹. Этих Волковых становится все больше, и все они играют на одной дуде, одну и ту же, весьма вредную песню. Они становятся популярны в массе — чему имею доказательства.

Точно так же ваша задача следить за всем, что творится в области «национального самоопределения племен, входящих в состав империи». «Самоопределение» это принимает такой характер, что наша внутриимперская распря племен обещает создать нам положение еще более горшее, чем то, каким судьба наградила Австрию¹⁰. Мы не немцы, не в такой степени тренированы для борьбы, и, если мы своевременно об этом вопросе не подумаем, — наш неустойчивый социализм превосходно и надолго может захлебнуться национализмом.

Я очень рекомендовал бы вам присмотреться к превосходной работе украинцев, почитать внимательно белорусскую литературу, последить за статьями Жаботинского и других националистов-евреев в газетах юга, почитать прессу татар и вообще — оглянуться — куда мы идем?

В журнале очень плохо и шаблонно освещается международное положение России, — а посмотрите, какие солидные статьи пишет Павлович! Естественнаучных статей — мало. Вам следовало бы ввести отдел «Хроника завоеваний мысли», где печатать маленькие заметки-рецензии обо всем, интересном в области науки, техники и т. д. Не мешало бы иметь отдел «Деревня» — это можно составлять по данным провинциальных газет, и это же необходимо, судари мои!¹¹ Ведь все это стоит дешево, и вы сами понимаете, что это важнее, интереснее беллетристики «знаменитых», оплачиваемой на вес золота! Тяжелее!

Вы могли бы также завести — и это давно пора сделать именно вам! — «Обзор торгово-промышленной деятельности» в стране, это великолепно повел бы Цыперович¹². И это сразу ввело бы журнал в новый круг читателей, обогатив старые его круга.

Извините меня — вы ведете журнал холодно, лениво и небрежно; в нем не чувствуется единства и ясного сознания целей, преследуемых Вами. Поместив никчемную статейку Фриче о Чена¹³, Вы забыли упомянуть, что роман Чена, о коем говорит статейка, напечатан у вас же. Отдел рецензий разъезжается во все стороны, а рецензия об Экоуте¹⁴ обнаруживает в авторе ее полное равнодушие к русскому языку, ну, как было не отметить такие отвратительные промахи переводчицы, как, напр..

„Дебаты на суде открыли много ужасного, что тщательно скрывалось: распинание на кресте, общее бичевание, утопление до последней крайности, подготовка к ауто-да-фе“, „какое-то скульптурное изображение, изображающее сирену“, „Он выражал свое очарование женщинам“ и часто в немного искренних выражениях“* — господа, ведь вы, рекомендуя книгу, должны же знать, что рекомендуете!

Подбор беллетристики — случаен, редакция ее — небрежна. «Как везде в России — каменщики пили больше всех»¹⁵ — если эту фразу заметят, ее высмеют, и половина вины за нее лежит на редакторе: он дол-

* Подчеркнуто Горьким (ред.).

ГОРЬКИЙ, М. Ф. АНДРЕЕВА, Ю. А. ЖЕЛЯБУЖСКИЙ И А. С. НОВИКОВ-ПРИБОЙ

Шарж В. Д. Фалилеева (бумага, акварель). Капри, 1912.

На рисунке под изображением подпись-монограмма «В. Ф.» и дата: «Сарг. 1912»

Музей Горького, Москва

жен знать, что каменщики наиболее трезвый народ, что они, по свойству своего труда, не могут пить «больше всех» и что, наконец, в рассказе речь идет не о каменщике, а о печнике — это серьезная разница.

Эх, господа! Быть вам китайской провинцией — неуклюжий и пассивный вы народ! Особенно плохо то, что жизнь современной демократии вас, очевидно, мало интересует.

Все это сказано из желания добра вам и вашим читателям, я думаю вы не обидитесь на меня за то, что сказал то, что считал нужным сказать.

Искренно желаю всего лучшего.

А. Пешков

29 янв. н. с. 1912 г.

Капри

¹ В феврале—марте 1912 г. Горький писал В. И. Ленину: «Удивительно, что на развитие националистического шовинизма наши журналы не обращают должного внимания: недавно я писал „Современному миру“, чтоб они присмотрелись к „Украинской жизни“, „Миру Ислама“, „Мусульманину“, к статьям Жаботинского, — отвечают, что „не надобно подливать масла в огонь“» (В. И. Ленин и А. М. Горький. С. 82).

² В январе 1912 г. Горький писал Львову-Рогачевскому: «Послал В. П. Кранихфельду письмо о „Современном мире“ — письмо это имеет общий характер, и мне хотелось бы, чтобы Вы прочли его». В конце января Львов-Рогачевский отвечал: «Ваше письмо было прочтано у нас в редакции вслух и произвело впечатление (...) Оно подчеркнуло то, что говорят в провинции. По приезде (из провинции, где Львов-Рогачевский читал лекции. — *Ред.*) я рассказывал в редакции, что часто приходилось слышать: „Журнал засушили, заморозили“. Мне думается, что надо ввести письма из провинции, как, помните, было в „Новом слове“, и отказаться от „академизма“. Пусть академизм достанется благодушным профессорам, которым приходится ладить и с красными, и с светлорозовыми. Когда-то мы верили в революцию. Теперь слишком уверовали в реакцию, до того уверовали, что сами понимаем тон» (АГ).

³ См. п. Иорданского от 2 января 1912 г.

⁴ «Народная семья» — двухнедельный иллюстрированный литературный журнал; издавался в Москве с 1911 по 1912 г. В нем принимали участие писатели из народа: В. Зарубин, Г. Завражный (редактор), Сивачев и др.

⁵ «Искры жизни» — ежемесячный журнал; издавался в Петербурге с октября 1910 по май 1912 г.

⁶ Полное название «Литературная газета „Жизнь“». (Интимные беседы). Газета самостоятельного народного творчества». Издавалась в Симбирске в 1911 г. Ее редактор-издатель Н. Н. Ильин писал Горькому 1/14 марта 1911 г.: «Большое спасибо Вам за поддержку, оказанную мне; может быть, невольную: я говорю о статье Вашей в „Современном мире“, „О писателях-самоучках“, поддерживающей мое трудное начинание. Вы, должно быть, знаете, что уже издаю газету „Жизнь“ здесь в Симбирске (я посылаю Вам — не знаю, дошли ли номера газеты), как сами видите, начинание нужное; необходимы такие органы для объединения народной мысли. Вот теперь я обращаюсь к Вам, Алексей Максимович, с большой просьбой: помочь мне в этом начинании, а именно: Вы могли бы присылать письма, присланные Вам, рассказы, стихи. Написать Вашим корреспондентам о такой газете — чтобы больше знали о ней. Начинание мое трудное — просто игнорируют это дело, хотя уже составилась маленький кружок (...)» (АГ).

Ответ Горького редакции газеты см. в предисловии к данной переписке.

⁷ «Гимназия для всех» — приложение ежемесячного литературного и научно-популярного журн. «Вестник знания», выходившего в Петербурге с 1903 по 1918 г. Совокупность издательской деятельности его редактора-издателя В. В. Битнера, популяризатора знаний для народа, получила в свое время специальное определение — «битнеровская литература». В п. Плеханову от 23 августа/5 сентября 1913 г. Горький резко отозвался о журнале Битнера: «На мой взгляд, журнал представляет собою крошку для духовно голодных, а затеян не столько того ради, чтобы питать их, сколько ради уловления пятаков. Я слежу за ним в течение нескольких лет, и мне кажется, что редакция его очень небрежна, не весьма грамотна и лозунг ее: „вали все в кучу, читальщик разберет“» (XIX, 314).

⁸ «Интеллигентоедство», характерное для «сивачевщины», было в не меньшей степени свойственно и Гр. Завражному. В речи, произнесенной на похоронах Златовратского, он говорил, что народничество, выродившееся в марксизм, дает теперь новые побеги, «на знамени которых начертано: „народные интересы“. Опять деготьком потянуло, ибо серый мужик сам двинулся в литературу» (Клейн-Борт Л. М. Очерки народной литературы (1880—1923). Л.: Сеятель, 1924. С. 39).

⁹ Речь идет о неопубликованной ст. М. И. Волкова «Писатели-народники и фельетонист из „Речи“», написанной в ответ на ст. Чуковского «Мы и они». Чуковский говорил об отношениях интеллигенции и «полунинтелигенции». В статье резко осуждался Сивачев, но утверждалось, что «Сивачевы во множестве, Сивачевы как масса — превосходные, лучшие люди в России» (Речь. 1911. № 297. 29 окт.). Волков выступил от имени «русских деревенских писателей», которые «заботливо препровождают мне Ваш фельетон (...) имея в виду, чтобы я Вам ответил» (ИРЛИ, ф. 528, оп. 1, № 433). Статья Волкова содержала резкие выпады как против Чуковского, так и против интеллигенции, являвшейся для автора основной мишенью. В п. Волкову Горький говорил: «Мне думается, что Вы должны были направить Вашу статью не мне, а Чуковскому, в ней Вы делаете прямой вызов ему и должны осведомить его об этом.

Я лично „пустить в печать“ Вашу работу не могу, у меня нет своего издания, я пошлю ее в „Совр. мир“, но не надеюсь, что там напечатают ее — она очень неосновательно написана, в ней много интеллигентской истерики, но нет аргументов.

По вопросу, заданному Вами, я уже высказался в статье „О писателях-самоучках“ (...)»

Я, как Вы, может быть, знаете, не поклонник интеллигенции, но позволю себе сказать, что Ваши выпады против ее — очень плохо обоснованны и способны скомпрометировать демократию, от лица коей Вы говорите.

Во всяком случае Ваша статья не может послужить взаимному пониманию людей, в чем все мы нуждаемся, а лишь поведет к вящему озлоблению, которое все развивается между интеллигентом и рабочим и которое пагубно для обеих сторон» (АГ).

¹⁰ Речь идет об Австро-Венгрии, империи Габсбургов, включавшей в себя к 1912 г., кроме Австрии и Венгрии, также территорию современных Чехии, Словакии, части Румынии (Трансильванию), Закарпатской Украины, Хорватии, Боснии, Герцеговины. На протяжении XVIII — начала XX в. одним из важных факторов, определявших внутриполитическое развитие Австро-Венгрии, было стремление входящих в нее народов добиться национальной независимости или хотя бы автономии. К 1912 г. австро-венгерское правительство усилило репрессии против южных славянских народов. В начале 1912 г. правящая клика установила в Хорватии и Славонии режим открытой диктатуры.

¹¹ В «Современном мире» и раньше печатались статьи на названные темы. Специальные разделы введены не были.

¹² Г. В. Цыперович был постоянным автором «Современного мира» в 1909—1914 гг.

¹³ Фриче В. Джованни Чена // Современный мир. 1911. № 12. С. 323—324. Роман Дж. Чена «Ценою жизни» («Giamonitori») был опубликован в «Современном мире» (1905, № 8—9).

¹⁴ Речь идет о рецензии А. Левинсона «Жорж Экоут. Собрание сочинений. Т. III. Защитник бездомных. Перевод М. Веселовской. М., 1911» (Современный мир. 1911. № 12). В ней, в частности, говорилось: «Перевод г-жи Веселовской получил исключительную авторизацию Экута: этот талисман не помешал ему выйти очень неудачным. Последние главы искажены до непонятности; мелких недочетов множество» (Там же. С. 363). 20 января/2 февраля 1912 г. Горький написал контррецензию на это издание (Запросы жизни. 1912. № 3). В АГ вместе с письмами Кранихфельду хранится вторая половина рукописи рецензии (первые две страницы отсутствуют, страница «3» начинается с полуслова).

¹⁵ Неточная цитата из рассказа С. Сергеева-Ценского «Неторопливое солнце» (Современный мир. 1911. № 12. С. 109): «И здесь, где плескалось море внизу, а сверху сзади стояли горы, где кипарисы купались в голубом зное (...) и здесь, как везде в России, каменщики пили больше, чем плотники, кузнецы больше, чем каменщики, слесари больше, чем кузнецы, больше же всех пили печники и штукатуры».

19. КРАНИХФЕЛЬД — ГОРЬКОМУ

(Петербург. 4/17 июня 1912 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Боюсь, что Вас не удивит чрезвычайная медлительность, с какою я собрался наконец в июне ответить на Ваше январское письмо. «Так именно и должны были поступить эти неуклюжие, пассивные, ленивые люди», — равнодушно скажете Вы, припомнив эпитеты, которыми Вы так щедро наградили в январском письме меня и моих редакционных товарищей. Я, однако, не склонен объяснять свое молчание ленью. Правда, вину свою перед Вами я сознаю, и все это время я был неустанно угрызаям и собственной совестью и упреками Марии Карловны, корившими меня за ежедневное откладывание ответного письма. И все-таки я со дня на день откладывал. Мне казалось необходимым ответить Вам по всем предъявленным и даже не предъявленным Вами обвинительным пунктам с такою обстоятельностью, для которой у меня просто не хватало досуга. Мне казалось необходимым показать Вам ясно и убедительно, что мы не только выполняем по инерции механическую редакционную работу, но много и упорно думаем над ней; что относимся мы к своей работе вовсе не «холодно, лениво и небрежно», как полагаете Вы, но что мы все время волнуемся, бывает, что и до слез волнуемся, сознавая недостатки журнала и свое бессилие помочь ему. Те недостатки, которые перечисляете Вы, мы видим и сами; наш опыт указывает нам и на многие другие недостатки; он же подсказывает нам и некоторые существенные нововведения, которые были бы полезны для журнала... Но финансовое положение журнала сейчас таково, что о реформах думать не приходится, — было бы как и с чем выпустить очередную книжку...

Насказав мне и моим товарищам по редакции много весьма нелестных для нас вещей, Вы предлагаете мне не обижаться, потому что все сказанное Вами сказано из желания добра журналу и его читателям. Я нимало не сомневаюсь в Вашем доброжелательстве и поэтому не только не обижаюсь за Ваши нотации, но принимаю их с большой и искренней благодарностью. Смущает меня только одно, а именно: Ваше сочувствие не журналу (в данном случае «Современному» миру), а журналам, из которых кое-кто уже проявил себя. Мне приходилось видеть некоторые Ваши письма, в которых Вы с чувством удовлетворенности говорили о не родившихся тогда еще, а только зарождающихся журналах («Современнике» и «Заветах»): молва приписывает Вам в появлении

КАПРИ. МУНИЦИПАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ
 Фотография Ю. А. Желябужского, 1908—1912
 Музей Горького, Москва

этих журналов значительную или, во всяком случае, акушерскую роль. Я с большим интересом ожидал увидеть эти журналы, предполагая, что они внесут в нашу журналистику нечто новое, небывалое, но ошибся. «Современник», заполнявшийся Амфитеатровым, а теперь занявший промежуточное положение между «Совр. миром» и «Русской мыслью»¹, ничего нового не внес в русскую журналистику. Чернова-Вечева мы встречали в разных комбинациях (с Амфитеатровым в «Современнике» в том числе), и новая его комбинация с Ропшиным из «Русской мысли», с Бунинным и Блоком в «Заветах» не сулит нам опять-таки ничего нового². Любопытно, что журналы в России подлежат какому-то суровому ограничительному (и в смысле читателей и в смысле писателей) закону. Вот появляются слухи о новом журнале. Что это значит? Это значит, что для кочевого русского писателя и русского читателя явилась возможность переменить от скуки место: часть Бунина (беру это имя в нарицат. смысле; можно заменить Горьким, Сергеевым-Ценским и т. д.), а с ним вместе и часть читателя перекочевывает на новое место. Я не знаю, кто от этого выигрывает,— во всяком случае не русский читатель, которому под разными названиями подносят те же блюда, но только в новых или даже только слегка измененных комбинациях. Русская журналистика топчется на одном и том же месте, потому что тон новых журналов продолжает оставаться до зевоты повторением старых. И проигрывают лишь старые журналы, от которых отходит некоторая часть старых подписчиков; проигрывает и читатель (читатель журналов «вообще»), ибо перебеги (хотя бы и временные) подписчиков лишают старые журналы возможности планомерного развития.

Вот и «Совр. мир» застыл и увяз и, несмотря на большой опыт (говорю без всякой похвалы) его редакции, не сдвинется с места, если только не найдется новый значительный (по сумме) пайщик или не вылезет кривая.

Откровенность за откровенность: при всем Вашем доброжелательстве к журналам вообще и к «Совр. миру» в частности, Вы относитесь к этому последнему несколько пристрастно и виноватите его иногда без всякой вины. Так, напр., Вы очень сердито нападаете на журнал за рецензию об Экоуте, где будто бы обнаружено «полное равнодушие к русскому языку». А между тем если Вы потрудитесь до конца прочитать рецензию об этой книге («Совр. мир», 1911, декабрь), то Вы увидите, что рецензент *возмущается* безобразным, безграмотным переводом Экоута. Это, как Вы сами можете убедиться, ничем не вызванное с нашей стороны обвинение Вами редакции в непростительном равнодушии к русскому языку показалось мне тогда же очень характерным. Пока Вы говорили в общих выражениях о том, что то,— дескать, у Вас плохо, того-то не хватает, на это обратите внимания и т. д., я читал и, могу сказать, умилялся: меня трогало сознание, что вот, мол, какого милостивого и внимательного читателя имеем мы в лице М. Горького. Сидит он на о. Капри, много пишет сам, еще больше читает, потому что отовсюду к нему стекаются массы печатного и рукописного материала, а вот подите же,—разглядел кое-какие из наших недостатков, и не только разглядел, а дал себе труд указать их нам. Но, когда я дошел до Экоута, т. е. до единственного обвинительного пункта, на котором Вы останавливаетесь подробно и с цитатами сердито вразумляете нас, я так и ахнул: в Ваших благожелательных упреках я почувствовал поту предубеждения, с которым спорить трудно. Вы просто предрешили, что журнал плох, что он Вам многими сторонами не нравится, и тогда Вы занялись созданием новых журналов. Однако я уверен, что теперь Вас не удовлетворяют и эти новые журналы, слишком уж поспешили они облечься в старый журнальный костюм, тот самый, от которого мы, старые журналисты, охотно, при первом же представившемся нам случае, освободимся, ибо нас

он жмет и теснит. А пока что мы поневоле носим те старые одежды, которые добровольно надели на себя новые наши собратья.

Да, многого у нас недостает, многое плохо. Плоха и беллетристика, плоха, потому что у нас нет свободной наличности, и мы не всегда имеем возможность удержать в своих руках даже такую вещь, которая побывала у нас и нам понравилась. Вот и теперь, рискуя навлечь на себя Ваше справедливое неудовольствие, мы попридерживаем в портфеле Ваши прелестные «Русские сказки», рассчитывая, при Вашем снисходительном попустительстве, дотянуть их до осени. Конечно, если Вы потребуете, чтобы они были напечатаны в ближайшей же книжке, мы это выполним, но в интересах журнала нам было бы желательнее использовать в летних книжках залежавшийся материал иной ценности. Надеюсь, что Вы снизойдете к интересам журнала, и что, во всяком случае, задержка «Сказок» не удержит Вас от присылки осенью обещанных Вами «Воплей провинциала»³.

Итак, я подхожу к концу своего письма. Собственно и это — не письмо, а только схема, по которой я хотел и должен был отвечать Вам, — и даже не схема, а только часть ее, потому что и в схеме много пропущено мною. Так, пропущено очень важное соображение о современном читателе (я имею в виду специфического журнального читателя), который смотрит на нас со стороны и что-то об нас думает, чего-то от нас требует. Быть может, он думает о чем-то совсем для нас недостижимом и загадочном. А может быть, мы и проникли в его думы и готовы угодить ему, да за малым у нас остановка: денег у нас нет, и не найдем мы человека, который готов был бы раскинуть своей мощной и помочь нам в задуманных нами реформах.

Таковы-то дела наши и делишки!

Искренно Вас уважающий

Вл. Кранихфельд

¹ «Русская мысль» — ежемесячный научный, литературный и политический журнал, выходил в Петербурге с 1880 по 1918 г. После 1905 г. — орган кадетской партии. См.: Никитина М. А. «Русская мысль» // Русская литература и журналистика начала XX в. 1905—1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984.

² В 1911 г. Чернов активно сотрудничал в «Современнике». После разрыва с Амфитеатровым в конце 1911 г. вел переговоры с Горьким о создании нового журнала, в 1912 г. стал сотрудничать в журн. «Заветы». См.: Г—Ч, Г—Ив-Р.

³ «Вопли провинциала» — возможно, речь идет о статье по поводу современных литературных прав, обещанной Горьким Иорданским. См. п. 11, 12, 13.

20. ГОРЬКИЙ — КРАНИХФЕЛЬДУ

(Капри. Не позднее 9/22 июня 1912 г.)

Уважаемый Владимир Павлович!

Очень грустно, что письмо Ваше — полемическое. Позвольте указать Вам на противоречия, в которые Вы впадаете, приписывая мне недостаточно внимательное отношение к журналу и упрекая в голословном суждении о нем.

Я не просто «предрешал», что «С(овременный) м(ир)» — плох, Вы сами знаете, что это правда, ибо Вы сами пишете «вот и „С. М.“ застыл и увял», «мы все время волнуемся, сознавая недостатки журнала».

Вы напрасно «ахнули» по поводу рецензии об Экоуте; в ней не приведено образцов искажения русского языка, что, на мой взгляд, было необходимо, как необходимо было указать Веселовской, что она подписала книгу, очевидно, не ею переведенную, ибо она-то русский язык знает! Если Вы читали Экоута по-русски, то Вы, конечно, поняли бы, что рецензент не мог говорить о достоинствах автора, они совершенно убиты переводом, можно было говорить лишь о переводе. И о том, что совре-

менные издатели иностранной литературы дают ее публике русской в более отвратительном виде, чем давали когда-либо прежде, а это — преступление против культуры.

Указание на рецензию об Экоуте — не «единственный обвинительный пункт», — я говорил еще, что мне странно было видеть статью Фриче о романе Чена, напечатанном у вас, о чем в статье не упомянуто.

Я мог бы указать Вам и более серьезные ошибки редакции, но раз эти указания принимаются как «обвинения» — это ставит меня в дружную позицию по отношению к журналу.

Не скрою, что я смотрел на свое письмо, как на попытку подойти к журналу возможно ближе¹, считая себя человеком небесполезным для него. Полгода я ждал ответа на мое письмо и — получил «полемику», понождающую меня на возражения.

Посылая сказки, которые Вы называете «прелестными», я просил, «если они поправятся», поместить их в весенних книжках и через три месяца получаю ответ, что их лучше напечатать осенью.

Сказки эти для меня — новый жанр, мне было бы очень полезно знать, в какой мере они удачны, — я не самолюбив, со мной можно говорить просто и откровенно. Мне кажется, что если бы сказки оказались достаточно удобными для журнала и ценными, с точки зрения социально-педагогической, их можно бы давать два раза в год, частью как фельетон на темы современности, частью же «вообще» на русские темы.

Засим: Вы приписываете мне акушерскую роль в нарождении новых журналов. Так — грешен, помогал, по мере сил, и, как Вы справедливо заметили, пока все безуспешно — детишки рождаются уродцами. Но в том, что дети худосочны, не акушер виноват, а сквернейшая наследственность: родители — народишко истощенный долголетним духовным недоением, а главное — индивидуалисты, наподобие ежей и спрутов. Издавна совокупляясь лишь промежду себя, они все еще не могут понять, что занятие это обратилось у них в свальный грех и, бесплодно истощая их духовно-хиленькие организмы, не может быть плодотворно. Это даже и не «культурная» работа, а именно «свальный грех», прикрито именуемый «склокой»; — картина безобразная, отталкивающая демократию.

Акушерская практика не дает мне ни удовлетворения, ни заработка, но — «дай бог побольше нам журналов, плодят читателей они»². И я уверен, что, если бы игроки разобрали все карты — козыри остались бы в руках с.-д., как группы наиболее богатой талантами. Когда все сгруппируются с с-деками, бог даст, будет ясна необходимость плотной группировки.

Очень удивляет меня, Владимир Павлович, Ваш упрек в том, что я отношусь к «С. М.» предубежденно, упрек, который Вы обдумывали шесть месяцев. Не сомневаюсь, что у Вас много работы, но ведь и я не сижу сложа руки.

Странные мы люди: обвиняя столь легко друг друга, как редко мы извиняемся в наших ошибках и в небрежности отношения друг к другу!

Впрочем, — желаю всего хорошего!

А. Пешков

Со «сказками» поступайте, как вам удобнее.

Датируется предположительно, по п. Крапихфельда от 4/17 июня, которое Горький должен был получить 9/22 июня. Указав ранее Крапихфельду на недопустимую задержку ответа, Горький, вероятнее всего, ответил в день получения.

¹ О желательности этого для редакции писал Горькому Львов-Рогачевский в декабре 1911 г.: «...как бы мне хотелось, чтобы Вы близко стали к „Современному миру“. Нет в редакции авторитетного голоса. В „Русском богатстве“ Короленко, а у нас — кто? По возвращении из провинции я передал редакции, что журнал обвиняют в том, что он засушен, заморожен, щеголяет академизмом и слишком рассудочен. Я говорил, что пора повысить тон, говорил и о том, как важно, чтобы

Вы стали ближе к журналу. Все соглашались со мной, но что дальше будет — не знаю» (АГ).

² Неточная цитата из стихотворения П. Вяземского «1828 год» («Дай бог нам более журналов: Плодят читателей они». — *Вяземский П. А. Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 169*).

21. КРАНИХФЕЛЬД — ГОРЬКОМУ

(Петербург. 7/20 июля 1912 г.)

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Искренно благодарю Вас за Ваш ворчливый, но добрый ответ на мое письмо, которое поистине заслуживало более сердитого отпора. Я рад убедиться, что Ваше прошлое письмо было продиктовано желанием ближе подойти к журналу. Но тогда мне казалось необходимым защитить журнал от слишком категорических «обвинений», в итоге которых Вы отказывались понимать, «для кого и в каких целях издается «Соврем(енный) мир». Правда, я сам чувствовал, что вместо защиты преподношу Вам «полемику», но я был уверен, что Вы сумеете отделить резкую форму письма от его делового и, как мне казалось, необходимого содержания. Моя уверенность не обманула меня. За полемической формой моего письма Вы разглядели все же мое посильное стремление расположить Вас к дорогому для меня делу, в котором Вы отметили так много недостатков и промахов, не упомянув ни об одной его заслуге. Об этих заслугах Вы не упоминаете и теперь, но самый тон Вашего последнего письма ясно утверждает, что в Вашем лице мы имеем дело не с прокурором, предъявляющим «обвинения», а с другом, укоряющим и предостерегающим.

Конечно, самый вопрос об «обвинениях» мог явиться только в результате «полемики», за которую я очень извиняюсь перед Вами, хотя и сейчас считаю Вас до некоторой степени соучастником этого моего полемического греха. Но позвольте же, дорогой Алексей Максимович, теперь раз и навсегда погасить этот грех, оставив его как забытое недоразумение в прошлом. Позвольте надеяться и заставьте верить, что мой старый и притом же личный грех не изменит в будущем Вашего доброго отношения к журналу и что Ваши упрёки и предостережения нам, — редакторам журнала, — Ваши указания не потеряют в дальнейшем ни в искренности, ни в силе, ни даже в резкости. За себя же, как и за своих товарищей по редакционной работе, скажу, что мы сумеем достойным образом оценить Ваше участие в журнале и к журналу, который нам так хотелось бы поднять на должную высоту.

Теперь о «Сказках». Называя их «прелестными», я высказал о них свое искреннее мнение, и даже не только свое: такого же мнения о них Мария Карловна; такого же мнения оказались и несколько близких мне людей, которым я дома у себя доставил большое наслаждение, прочитав им вслух только что прочитанные мною про себя Ваши сказки. Конечно, они неравноценны, и слабее всех остальных показалась мне последняя сказка¹: она оставляет впечатление некоторой назакопченности. И после того, как проверив это свое впечатление, я предпочел бы, чтобы первая серия Ваших сказок заканчивалась не ею, так как именно на ней ослабевает настроение, в котором Вы удерживаете читателя на протяжении всех предшествующих сказок. Если Вы доверяете моему опыту, то, может быть, Вы согласились бы или переместить последнюю сказку, поставив ее где-нибудь среди других, или даже совсем устранить ее из первой серии, обработав ее для второй серии. Последнее мне кажется более целесообразным. Впрочем, ни на одном из этих предложений я не настаиваю и даже делаю их только потому, что Вы сами пожелали выслушать более детальный отзыв о сказках. Мы наме-

ревались напечатать их в августе или в крайнем случае * в сентябре³. В сентябре, и никак не позже, сказки, следовательно, появятся в печати, и при таких условиях Ваше желание давать их два раза в год вполне осуществимо, несмотря даже на то, что мы были вынуждены обстоятельствами попридержать их в редакционном портфеле. В декабре, — стало быть, с перерывом в 3 или 2 месяца, — появление второй серии сказок было бы очень и очень желательно, и мы будем Вам весьма признательны, если Вы выполните Ваше намерение и заблаговременно к декабрю пришлете нам вторую серию.

Еще раз прошу извинения за свою защиту, которая неудачно вылилась в форму полемики.

С искренним к Вам уважением.

В. П. Кранихфельд

Р. С. Статья В. Л. Львова-Рогачевского (в майской книжке «Совр. мира») ⁴, разбегавшаяся в два разных ручейка и не слившаяся затем в одно русло, не совсем удовлетворила меня. Однако настаивать на ее переработке я считал нецелесообразным, так как В. Л. был занят другой работой на ту же тему (для «Истории литературы» под редакцией Венгерова) ⁵, и мне не хотелось откладывать появление статьи в дальний ящик. Боюсь, что и Вам статья Львова не показалась достаточно проработанной.

В. Кранихфельд

¹ Последняя сказка, условно названная Горьким «Личность», была передана Кранихфельдом в «Правду». См. п. 25, прим. 2.

² «Русские сказки» были опубликованы в сентябрьской кн. «Современного мира».

³ В августовской кн. «Современного мира» печаталось окончание повести С. Гусева-Оренбургского «Призрак» и продолжение романов А. Библика «К широкой дороге» и Дж. Голсуорси «Патриций».

⁴ Львов-Рогачевский В. Л. Художник-правдоискатель // Современный мир. 1912. № 5. См. п. 7, прим. 8.

⁵ Русская литература XX века. 1890—1910/Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914. Т. 1. Львов-Рогачевский писал для первого тома очерки о Горьком и Вересаеве.

22. ГОРЬКИЙ — КРАНИХФЕЛЬДУ

(Аляссио. 13/26 июля 1912 г.)

Уважаемый Владимир Павлович!

Спасибо за письмо. Очень обрадован тем, что понят.

Десятую сказку — отбросьте, я пришлю другую на место ее ¹, а если не успею — печатайте 9. Но, наверное, успею.

Вторую серию — к декабрю — пришлю ².

Относительно статьи Василия Львовича ничего не буду говорить. Он знает, что я не поклонник его писаний ³. Мне кажется, что «Современный мир» слишком часто и много печатает статей о Горьком ⁴, *одном из своих сотрудников*.

Извините за краткое письмо, — очень занят. Желая всего хорошего, М. К. ⁵ — сердечно кланяюсь.

В данное время я сижу в Аляссио, в трех часах от Ниццы, на днях, вероятно, увижу А. И. Куприна ⁶.

Жму руку

А. Пешков

Датируется предположительно, по п. Кранихфельда от 7/20 июля, ответом на которое является, и по содержанию.

* В августе, может, не удастся (это еще не выяснено) по чисто техническим условиям, главным образом из-за недостатка места, ввиду того что в отделе беллетристики идет одно окончание и одно продолжение ².

¹ Горький выслал сказку «О советнике Оном». Напечатана в «Современном мире» (1912. № 9).

² Вторую серию «Русских сказок» Горький в «Современном мире» не печатал.

³ Горький писал Львову-Рогачевскому около 10/23 октября 1911 г. «...каждый раз, когда Вы собираетесь что-либо писать обо мне, Вы заранее извещаете меня о намерении Вашем и просите прислать „последние вещи“. Мне неприятно это, Василий Львович, и вот причина, почему я нашел пужным выяснить мой взгляд на „критику“ в ее отношении ко мне и мое отношение к Вам, как человеку, пишущему критические статьи. Они у Вас всегда многословны, ясны и лишены самого ценного, что я, читатель, в праве требовать от критика, — лишены знания истории русской литературы, знания ее традиций и умения показать, в силу каких социальных влияний изменились и изменяются эти традиции, насколько эти изменения законны, где они искусственны и, наконец — что в современной литературе социально и национально — вредно, что — полезно» (XXIX, 196).

⁴ В 1911 г. в журнале напечатано Кр. В. (В. П. Крапихфельд) Рец.: Сб-ки тв-ва «Знания» за 1910 г., кн. XXXII и XXXIII — № 1; В. Л. Львов-Рогачевский. Рец.: Сб-ки тв-ва «Знания» за 1911 г., кн. XXXVI — № 10.

В 1912 г. — единственный материал о Горьком — ст. Львова-Рогачевского «Художник — правдоисследователь» (№ 5), о котором идет речь в письме. Автор статьи писал о ней Горькому: «Писал я о Вас, не подделываясь ни к кому, без колокольного перезвона и без партийной тенденции...» (АГ).

⁵ М. К. Иорданской.

⁶ Горький находился в Алясцио вместе с Е. П. Пешковой и Максимом с 29 июня/12 июля по 26 июля/8 августа 1912 г. В начале июля Горький писал Куприну из Алясцио: «Не соберетесь ли сюда? Здесь превосходный пляж, хорошее купание, тихо и недорого» (XXIX, 248). Однако Куприн приехать к Горькому не смог.

Е. П. ПЕШКОВА

Фотография С. Шумова. Париж, 1910—1912

Музей Горького, Москва

23. ГОРЬКИЙ — КРАНИХФЕЛЬДУ

(Капри. 30 июля/12 августа 1912 г.)

Уважаемый Владимир Павлович!

Посылаю «сказку» в замену прежде посланной десятой, которую прошу вернуть мне ¹.

Посылаю также два очерка Тихонова ², автора напечатанного у вас рассказа «Шебарша».

Может быть, очерки эти подойдут вам?

Если — нет, возвратите мне.

Желаю всего доброго.

Поклон Марии Карловне, Ник(олаю) Ивановичу.

А. Пешков

Датируется по содержанию.

¹ Просьба Горького не была выполнена по неизвестной причине. «Сказка» осталась у Крапихфельда, позже он передал ее в «Правду». См. п. 25.

М. А. ПЕШКОВ

Портрет работы С. Н. Зенкова (холст, масло). 1913
Музей Горького, Москва

мне в вину, что я, не испросив Вашего разрешения на эти изменения, но дело в том, что страх этот самый одолел меня в минуту, когда я читал уже последнюю корректуру и когда надо было поставить решающее и бесповоротное — «печатать». Кроме того, я убежден, что эти изменения цензуры ради существенного значения не имеют, и всякий читатель прекрасно поймет, что сказки эти — наши, отечественные, русские, и что героями их являемся именно мы и наши достопочтенные соотечественники, имена коих, где нужно, легко угадываются... А все-таки... все-таки черкните, пожалуйста, хоть пару строчек о Вашем отношении к моему редакторскому изуверству...

Мария Карловна просила меня выяснить Вам причины ее затянувшегося молчания. Дело в том, что, помимо издательских, на нее навалилась и большая семейная тягота. Вот уже четыре месяца, как Николай Иванович¹ лежит в постели, забитоваанный и беспомощный. Жизнь его долгое время находилась в опасности, которая, впрочем, не прошла и сейчас. У него острый суставной ревматизм, осложненный острым же эндокардитом. Последние две недели дело как будто бы шло на поправку, но дня три назад опять появилась одышка, усилились боли и поднялась температура. Он лежит в городе, в общине Кауфмана, и Мария Карловна проводит у его постели ежедневно по несколько часов, которые ее очень утомляют и нервнируют. Оба они — и Ник. Ив. и Мария Карл. — шлют Вам и Вашей супруге сердечный привет.

Получили ли Вы мое письмо², в котором я рекомендовал Вам (в середине <нрзб>) И. Ф. Вонсика³, и был ли он у Вас? Он хотел познакомить Вас с интересной рукописью («Урбита»), которой мы по цензурным соображениям воспользоваться никак не могли. Я его видел только два раза, но он произвел настолько хорошее впечатление,

² Очерки А. Н. Тихопова «На ходу» и «Остановка» не были напечатаны в «Современном мире» и возвращены Горькому без объяснения причины (Горьк. чт. 1959. С. 26–27).

24. КРАНИХФЕЛЬД — ГОРЬКОМУ

(Петербург. 13/26 сентября 1912 г.)

Глубокоуважаемый
Алексей Максимович!

На днях выйдет в свет несколько запоздавшая сентябрьская книга «Совр(еменного) мира». На первом месте — Ваши «Русские сказки», которые я, напуганный штрафами и конфискациями, позволил себе в последнюю минуту перекрестить просто в «Сказки». В соответствии с этим в трех случаях, где действие происходит в некотором царстве, в некотором государстве, я заменил вкрапленные в текст слова «Россия», «русский» — страной, отечеством, подданным. Не вмените

что я не затруднился написать Вам, по его просьбе, несколько теплых слов. К тому же, как военный защитник, выдавший виды, не легко доступные не посвященным, он мог быть Вам полезен.

Седьмая книжка была конфискована за стихотворение «Дворец», и я привлечен по 128 ст. Очевидно, однако, Комитет по делам печати ничего обвинительного на «Дворце» соорудить не мог, и в подкрепление он двинул повесть Гусева-Оренбургского «Призрак»⁴. Теперь арест с книги снят, под условием изъятия из нее «Дворца» и «Призрака». Что же касается меня лично, то пока что я «разъяснен» на этом основании в своих избирательных правах, но к следователю меня не вызывали, и, что собственно мне инкриминируется, — не знаю. Не знаю далее, какие статьи закона считаются нарушенными «Призраком». «Дворец» же напомнил цензуре 128-ую статью только потому, очевидно, что он напечатан на 128-й странице журнала, — других оснований я придумать никак не могу.

Всего хорошего! С искренним к Вам уважением

В. П. К р а н и х ф е л ь д

Р. S. Поручение Ваше о высылке 40 р. г-же Васильевой⁵ своевременно выполнено.

В. П. К р а н и х ф е л ь д

¹ М. К. и Н. И. Иорданские.

² Упомянутым письмом Кранихфельда АГ не располагает.

³ О ком идет речь, установить не удалось.

⁴ В июльской кн. «Современного мира» было напечатано стихотворение Вс. Кожевникова «Дворец». Повесть С. Гусева-Оренбургского «Призрак» не была изъята из журнала, печаталась в 6, 7, 8 кн.

⁵ Зинаида Владимировна *Васильева* (1874—1970) — переводчица, вдова друга Горького по Н.-Новгороду Н. З. Васильева. Нередко обращалась к Горькому за денежной помощью (*Арх. Г. Т. IV и IX*).

25. ГОРЬКИЙ — КРАНИХФЕЛЬДУ

(Капри. 19 сентября/2 октября 1912 г.)

Уважаемый Владимир Павлович!

Внесенные Вами поправки вызваны опасением за судьбу книги — значит, так тому и быть.

Г. Вонсик на Капри, должно быть, не заезжал, письма Вашего я не получил и рукопись его не видел.

В «Одесских новостях» напечатана последняя «сказка», посланная взамен десятой, согласно Вашему желанию¹. Любопытно — как это они ухитрились достать рукопись?

Ту «сказку», которая осталась ненапечатанной, я просил послать мне. Теперь усердно прошу: когда выйdet книжка, пошлите, пожалуйста, оставшуюся не напечатанной сказку газете «Правда»².

Николаю Ивановичу следовало бы перебраться — как только представится возможность — на остров Искию, где ревматизмы весьма основательно излечиваются иодистыми и серными грязями. Бывает, что больные, которых с трудом довозят туда, — в несколько недель встают на ноги.

Очень желаю Н. И. скорого выздоровления, приветствую Марью Карловну.

Весьма жаль, что не пришлось встретиться с Александром Ивановичем³, чего мне так хотелось.

Обращаюсь к Вам с предложением такого рода: если у Вас или у кого-либо из знакомых найдутся документы по истории русской борьбы за освобождение или редкие экземпляры конфискованных изданий, вырезанных статей, рукописей и пр. и если держатель таких вещей

я рассчитываю и в этом еще году, к декабрю, получить от Вас что-нибудь для украшения нашего журнала¹. Что касается будущего года, то в одном из Ваших писем Вы как-то выразили желание давать нам по временам статьи на темы провинциальной жизни. Если Вы не оставили этого намерения, то разрешите мне включить в проспект будущего года эти статьи под каким-либо общим заглавием, которое говорило бы не о случайном только сотрудничестве, но об *отделе*, о более близком Вашем участии в нашем журнале. Ведь в этом именно смысле я и понимал Ваши милые сердитые письма, в которых Вы разносили меня и моих товарищей по журналу за разные упущения и провинности. Вы говорили, что эти письма так именно и надо понимать, как желание Ваше подойти ближе к журналу. Поверьте же, что это Ваше желание как нельзя более идет навстречу и желаниям всей нашей редакции. Но как облечь эти желания в форму, реализующую их? Укажите эти формы, которые соответствовали бы Вашим интересам и настроениям, и мы с радостью примем их.

В литературных кружках, со слов Е. А. Ляцкого, говорят, будто Вы вошли в редакцию «Современника»². Если эти слухи верны, то, разумеется, я опоздал со своими напоминаниями. Но мне решительно не верится этим слухам, и поэтому я и позволил себе напомнить Вам о нашей переписке и просить Вас указать, определить формы, в которых могло бы вылиться Ваше дорогое для нас желание подойти ближе к журналу, в котором у Вас всегда были и есть искренно Вас уважающие и любящие люди.

Прошу Вас, дорогой Алексей Максимович, не отказать в возможно скором ответе на это мое письмо.

Преданный Вам В. Кранихфельд

Датируется по содержанию.

¹ В объявлении о подписке на 1913 г. в декабрьской кн. «Современного мира» Горький был назван в числе авторов, которые примут участие в журнале.

² Ляцкий в 1911—1912 г. значился как ближайший участник журн. «Современный мир». Горький вошел в новую редакцию «Современника» в сентябре 1912 г.